

ОТЪ ТОБОЛЬСКА ДО БЕРЕЗОВА.

ДО БЕРЕЗОВА.

Путь до Самарова. — Крестьяне. — Остяки осёдлые и остяки кочующие.

Путь по Тобольскому округу до села Самарова, на разстояніи 500 верстъ, не представляетъ особеннаго интереса, и вся обстановка не отличается рѣзко отъ общей Сибирской: раздолье и малолюдство. Впрочемъ, зажиточности, довольства и нѣкотораго комфорта, который проявляется во внутреннихъ округахъ, здѣсь не встрѣтите. — Все населеніе расположено по Иртышу, мѣсть удобныхъ для хлѣбопашества мало. Пашни съ каждымъ десяткомъ верстъ уменьшаются и къ Самарову исчезаютъ совершенно. Начинаютъ изрѣдка показываться, особливо отъ селеній, примкнутыя къ лѣсу низенькія деревянныя избышки — это остяцкія юрты. Но до села Самарова, послѣдняго большаго на сѣверѣ селенія, заявляющаго себя торговымъ движеніемъ, вы еще не отличаете явно аборигеновъ нашего сѣвера, по малочисленности и разбросанности ихъ. Весьма часто встрѣчается по нѣскольку юртъ, пустыхъ, заброшенныхъ, разрушающихся.

На вопросъ мой объ этихъ полуразвалинахъ мнѣ отвѣчали, что орда, или азіяцды (такъ называютъ русскіе остяковъ), не живетъ между Русью: какъ только мы поселимся, то остякъ перестаетъ плодиться. Старожилы сказывали, что въ прежнее время остяковъ было довольно между ними, но съ каждымъ годомъ число ихъ уменьшается. Русскіе поселяне, смѣшавшись съ остяками, утратили свой типъ и имѣютъ

какой-то придавленный, апатичный видъ. — Оставаясь зимою въ праздности, они большіе охотники поротозѣйничать. — Шумъ экипажа, звонъ колокольчика собираетъ цѣлыя толпы; слышится смѣхъ, говоръ, особенно женщинъ, которыя здѣсь развязнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Сибири, и попадаются между ними красивыя лица по Тобольскому округу. Любопытство и, можетъ быть, желаніе поразнообразить время простирается до такой степени, что молодыя дѣвушки скачутъ форейторами станціи въ 30 верстъ и болѣе; не смотря на 25⁰ и 30⁰ морозу, онѣ не прибѣгаютъ къ мужскому костюму, и часто во время скорой ѣзды мелькаютъ обнаженныя колѣни. — Что заставляетъ ихъ рисковать здоровьемъ — не знаю, но какъ-то не вѣрится, чтобы это наѣздничество не оставалось безъ послѣдствій для здоровья.

Но хотя толпы зѣвакъ и встрѣчаются на каждомъ шагу, все таки нельзя негодовать на нихъ за праздность. Хлѣбъ не родится вовсе, или очень скудно, извозомъ занимаются весьма немногіе, по затрудненію въ содержаніи лошадей. Во время разлитія Иртыша однимъ тальникомъ поддерживаютъ существованіе лошадей и рогатаго скота; когда же спадетъ вода, то всѣ табуны уводятъ на острова или въ горы, гдѣ и оставляютъ до глубокой осени. Въ лѣтнее время нельзя ни пройти, ни проѣхать сухимъ путемъ далѣе 3, 5, верстъ: всюду вокругъ тундры, или лѣса. Одно средство къ жизни — рыбный промыселъ, подверженный многимъ случайностямъ. Но зимою и этотъ промыселъ очень мизеренъ. Перерѣзывая Иртышъ, вы видите въ ясный день десятки движущихся вдоль рѣки фигуръ. — Это мужички, вряженные въ ручныя нарты и вооруженные пѣшней, достаютъ изъ прорубей рыбу. Чтобы судить о тяжести и неблагодарности этого труда, скажу, что изъ 40 крючковъ, съ приманками, поставленныхъ за два дня, крестьянинъ, проходя полъ-дня, не приобрѣтетъ и 20 налимовъ. Вообще зимою они рыбачатъ только для собственнаго пропитанія.

Восьмимѣсячная лютая зима, короткое лѣто, затрудненіе въ приобретеніи средствъ къ жизни убили всякую предприимчивость въ здѣшнемъ крестьянствѣ. Не смотря на то, что медвѣди не рѣдко наносятъ вредъ ихъ собственности, вы не встрѣтите здѣсь ни одного смѣльчака, который бы отправился противъ этого незваннаго гостя съ рогатиной, или съ ружьемъ, не услышите даже разказовъ объ этомъ. Если уже начнетъ сильно надѣдаться медвѣдь, то крестьяне собираются цѣлымъ селеніемъ, и крикомъ и гамомъ прогоняютъ своего непріятеля. Иногда зимою удается имъ убить медвѣдя, но и то въ берлогѣ, въ которую они всаживаютъ у входа два скрещенные шеста, не позволяющихъ выйти, и при высунутіи животнымъ морды наносятъ ему въ голову удары.

За всѣмъ тѣмъ, на пути къ Самарову, — все-таки есть хоть какое нибудь движеніе, хоть малѣйшій признакъ жизни. Но за впадениемъ Иртыша въ Обь, въ 25 верстахъ за Самаровымъ, вы спускаетесь на Обь, и здѣсь уже всякое движеніе и жизнь прекращаются. Извилистый Иртышъ ушелъ вправо, и вдали темнѣются дебри; путь къ Березову идетъ по Оби, правый берегъ которой каменистъ и малолѣсенъ, а лѣвый покрытъ тощими, чахлыми березами, между которыми изрѣдка красуются лиственница, ель и сосна. Общій колоритъ однообразенъ и монотоненъ, глазъ путника развлекается только ледяными буграми, образующимися наружу при замерзаніи рѣки и имѣющими самыя разныя формы; иногда даже является что-то въ родѣ крѣпостцы съ бастіонами. По обоимъ берегамъ Оби, но преимущественно по правому, разбросаны остяцкія юрты въ 20 и болѣе чумовъ деревянныхъ. Наконецъ, вы среди остяковъ, вы заинтересовываетесь, вы напрягаете любопытство и всматриваетесь, но увы! мало интереснаго встрѣтите. Наружная обстановка весьма не привлекательна: осѣдлые остяки малорослые, истомленные, рѣдковолодые, неповоротливые и до глупости любопытные. Однимъ словомъ, это что-то неопредѣленное, смѣшанное, ничѣмъ, даже костюмомъ, не заявляющее о своей народности. Мужчины ходятъ въ чемъ попало: въ зипунахъ, въ шубахъ, въ армякахъ. Въ сургутскомъ краѣ, удаленномъ отъ главнаго тракта, можно, какъ мнѣ сказывали мѣстные чиновники, видѣть постоянный маскарадъ. Остяки сами не шьютъ для себя платья, а пріобрѣтаютъ отъ поселенцевъ, отъ рыбопромышленниковъ, отъ казаковъ; поэтому часто встрѣтите ихъ въ дьячковскомъ подрясникѣ и военной фуражкѣ, въ семинарскомъ халатѣ, казачьихъ шараварахъ и круглой шляпѣ и т. п.

Прикрѣпленіе къ одному мѣсту, сосѣдство русскихъ селеній побудило остяковъ строить свои чумы на манеръ русскихъ избъ. Но постройки осѣдлыхъ остяковъ отъ чумомъ бродячихъ инородцевъ отстали, а къ избамъ не пристали. Прямо съ улицы вы входите въ сѣни, во внутренней стѣнѣ которыхъ устроенъ чумаль (глиняный каминъ, около котораго постоянно найдете толпу). Здѣсь остячки, съ наброшенными на лицо платками, занимаются домашними работами, а мужья ихъ, сидя на корточкахъ, молчатъ и изрѣдка перекидываются словами. Горницы, избы, гдѣ возведена до половины голландская печь, остаются пустыми цѣлый день; тамъ только принимаютъ проѣзжихъ. При ожиданіи начальства моютъ полы и лавки. По статистическимъ свѣдѣніямъ, всѣ остяки до Кандинска и далѣе считаются христіанами, но просвѣщеніе въ этой вѣрѣ мужчинъ заключается въ знаніи нѣкоторыхъ молитвъ и въ умѣннн наложить крестъ, въ чемъ они особенно усердствуютъ при полученіи прогоновъ или на водку.

Женщины же не говорят ни слова по русски, а просвѣтители ихъ по остячки — спрашивается, какъ же они молятся? Осѣдлые остяки, утративъ свойственную кочевымъ народамъ удаля, смѣлость, облѣнились и живутъ только настоящимъ днемъ, нисколько не заботясь объ улучшеніи своего положенія. Вознесши ясакъ, который очень умѣренъ, все оставшееся отъ выручки за весенній и осенній уловъ рыбы пропивается вдругъ. Женщина находится въ самомъ рабскомъ состояніи, всѣ домашнія работы, даже рубка дровъ, вмѣстѣ съ заботою о дѣтяхъ, лежатъ на нихъ; но не смотря на тяжелыя и грубыя работы, онѣ имѣютъ маленькія и красивыя руки и ноги. Мужчины въ зимнее время остаются въ совершенномъ бездѣйствіи, изрѣдка прогуляются въ урманѣ на охоту, и тогда только, когда уже истребится весь съѣстной запасъ, займутся рыбною ловлею. Прикрѣпленіе остяковъ къ одному мѣсту имѣло вѣроятно цѣлью сдѣлать ихъ осѣдыми и современемъ обратить въ крестьянъ. Но остяки не имѣютъ ни малѣйшаго интереса перейти въ крестьяне, они страшатся этого, считаютъ даже унижительнымъ. И дѣйствительно льготы ихъ, сравнительно съ русскими, ощутительны; инородцы пользуются всѣми угодьями, урманамъ, въ которыхъ безъ ихъ согласія, или лучше сказать, безъ платы, русскіе не имѣютъ права охотиться; лучшіе рыбные пески въ ихъ рукахъ, а между тѣмъ они, сравнительно съ привилегированнымъ сословіемъ, несутъ повинностей втрое меньше.

Въ урманяхъ, по Иртышу и Оби, пушной звѣрь съ каждымъ годомъ переводится. А потому мѣстное главное начальство разрѣшило, въ видахъ облегченія инородцевъ, взимать ясакъ деньгами, вмѣсто звѣрей. Но остяки, покупая по неизмѣнно высокимъ цѣнамъ у торговцевъ лисицъ и соболей, все-таки взносятъ ясакъ рухлядью, изъ боязни, какъ я достовѣрно узналъ, чтобы ихъ не обратили въ крестьяне и не лишили настоящихъ преимуществъ. Боязнь эту усилили въ нихъ еще болѣе разосланные листы, въ которыхъ, между прочими повинностями, означена и рекрутская.

Подумаешь, какъ у насъ примѣняется, исполняется всякая мѣра правительственная! Издали положеніе и объявили его черезъ безграмотныхъ старшинъ, отпечатали окладные листы, собственно для государственныхъ крестьянъ, чтобы они знали о своихъ повинностяхъ, да и отправили тѣ же листы при циркулярахъ и по инороднымъ управамъ.

Какъ ни бѣдно положеніе осѣдыхъ остяковъ, но все же, сравнительно съ крестьянами, сносно. Первые не могутъ умереть съ голоду, а за послѣднихъ, при извѣстныхъ условіяхъ, нельзя и въ этомъ смыслѣ ручаться.

Отъ Самарова до Березова, по непроизводительности страны, нѣтъ

мірскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, а существуютъ только въ Кандиномъ селѣ, въ Березовѣ и Обдорскѣ казенные магазины, для выдачи инородцамъ хлѣба въ сосудъ, съ разсрочкою уплаты на годъ, а въ случаѣ крайности и безденежно. Крестьяне же не имѣютъ права пользоваться заимообразно изъ этихъ магазиновъ, и, по случаю заготовленія хлѣба въ пропорціи сообразно населенію инородцевъ, встрѣчается затрудненіе въ продажѣ его даже на наличныя деньги крестьянамъ. Если осенній уловъ рыбы былъ достаточенъ, то крестьяне, хотя съ трудомъ, могутъ заготовить хлѣбомъ отъ частныхъ (*) торговцевъ; но если осенній уловъ плохой и не добыта проточная рыба, какъ это случилось въ прошедшемъ году, то нищета въ русскихъ селеніяхъ поразительна. Мнѣ случилось въ этомъ удостовѣриться, проѣзжая по этому краю съ однимъ изъ членовъ главнаго мѣстнаго учрежденія, пользующимся титуломъ его пр-ства, о проѣздѣ котораго дано было знать заблаговременно — и все, что называется, было на чеку. Всѣ сибирскіе крестьяне въ каждомъ гражданскомъ генералѣ видятъ прямаго начальника и воображаютъ, что онъ въ правѣ удовлетворить всѣ ихъ требованія.

Хотя мой спутникъ имѣлъ, по своей должности, совершенно спеціальную обязанность: обзрѣніе училищъ, но къ нему обращались съ самыми многосложными словесными и письменными просьбами, надѣлая всевозможными титулами свѣтской и духовной іерархіи, возводя иногда и въ княжеское достоинство. Впрочемъ остяки величали «твое благородіе» и рѣдко «высокоблагородіе».

Едва возокъ приближался къ деревнѣ, какъ всѣ сельскія власти и старики окружали его пр-ство и умоляли о выдачѣ имъ хлѣба подъ круговое ручательство, причемъ слышались иногда возгласы: уже съ недѣлю хлѣба не видали, одною рыбою питаемся. Присутствуя при этой сценѣ, въ качествѣ частнаго лица, я спросилъ старичковъ: обращались ли они къ окружному начальнику и исправнику? «Да вѣдь они не смѣютъ сами, нужно разрѣшеніе губернатора и генералъ-губернатора, а вѣдь ты родимый знаешь, какой конецъ-то отъ Березова до Тобольска, куда почта ходитъ разъ въ недѣлю, а тамъ въ Омскъ еще пойдетъ, и пока получится по начальству разрѣшеніе, тамъ весна настанетъ». — По Иртышу сказывали намъ, что у васъ на Оби былъ нынче отличный уловъ рыбы, которую вы чуть не руками таскали изъ воды, куда же вы дѣвали ее и деньги, вырученныя за нее? спросилъ я ихъ. — «Бога гнѣвить нечего, лѣтній уловъ былъ знатный, от-

(*) Вольная цѣна отъ 1 р. до 1 р. 50 к. сер. за пудъ ржаной муки, а изъ казенныхъ магазиновъ отпускаютъ инородцамъ по 85 к. сер. за пудъ.

вѣчали мнѣ:—да рыбопромышленники не принимали рыбу иначе, какъ соленою, или развѣ десятую часть того, что мы изловили, свѣжею; они, какъ золотомъ, дорожатъ солью: покупать намъ у нихъ невыгодно, а болѣе негдѣ взять соли, осенній же уловъ былъ средній, а на проточную рыбу плоха надежда...»

Вѣроятно читатель спроситъ, что такое проточная рыба? Спѣшу оговорить. Зимомъ ледъ на Оби, замерзая толстыми слоями, не пропускаетъ воздуха, отъ этого теченіе какъ бы приостанавливается, вода дѣлается затхлою, и рыба бросается въ проточныя рѣчки.

Жалобы на недостатокъ соли слышались всюду отъ русскихъ и инородцевъ, въ особенности отъ послѣднихъ. Миссіонеры, священники и чиновники, тоже утверждали, что часто изъ привезенной остяками, по уговору, рыбопромышленникамъ 1000 штукъ у нихъ, за неимѣніемъ соли, принимали только 200 и 300 штукъ, а прочее количество оставалось въ долгу на инородцахъ, которые за ничтожную сумму попадаютъ въ кабалу къ монополистамъ на нѣсколько лѣтъ. Кому удавалось сбить половину пойманной рыбы, тотъ былъ счастливъ и обезпечивалъ себя на годъ.

Если насильственное прикрѣпленіе инородцевъ къ одному мѣсту имѣло, какъ я сказалъ, цѣлью обрусить ихъ, то нужно было бы позаботиться о крестьянахъ, желудки которыхъ болѣе, чѣмъ остяцкіе нуждаются въ хлѣбѣ. Остякамъ даютъ изъ казенныхъ магазиновъ, а крестьянину—нѣтъ, остякъ пользуется всеми угодьями, урманами, а тѣ только продольными пространствами на Оби. Отчего бы, кажется, не устроить запасныхъ магазиновъ хлѣбныхъ и соляныхъ въ селахъ: Елизаровомъ и Кандинскомъ? Эта мѣра, освободивши жителей отъ монополистовъ, улучшила бы положеніе и крестьянъ, и инородцевъ.

Среди этой незавидной обстановки, можно развлечься только комическимъ процессомъ запряжки и ѣзды по Остяцкимъ юртамъ. Едва приближается къ юртамъ экипажъ, какъ со всѣхъ концовъ бѣгутъ остяки съ упряжными принадлежностями и тащатъ малорослыхъ, косматыхъ лошадокъ. Женщины, которыя закрываютъ лицо отъ мужчинъ платками, подобно татаркамъ, стоятъ на улицѣ, но при приближеніи къ чумамъ, ускользаютъ, какъ кошки, въ низенькія двери. Позволивъ себѣ приподнимать накрывала, я былъ разочарованъ: положительно, и старыя, и молодыя женщины—отвратительно омерзительны. На разстояніи 500 верстъ у весьма немногихъ попадались сносныя фizioноміи. Пока старыя ямщики выпрягаютъ лошадей, новые со всемъ наличнымъ населеніемъ, обступивши экипажъ, мало того, что осматривать, но ощупаютъ и понюхаютъ всякій гвоздикъ, всякую веревку. Съ шумомъ и гамомъ толпятся заглянуть во внутрь экипажа; при

спускъ съ горы всѣ бѣгутъ и стараются подержаться за экипажъ. Не разъ случалось, что возвращающійся домой остякъ, завидѣвъ уѣзжающій возокъ, гналъ свою лошадь, что есть силы, и, приблизившись къ горѣ, соскакивалъ съ нарты и катился кубаремъ съ горы нѣсколько сажень, для того чтобы хотя секунду поглазѣть на крытую избушку, какъ они называли возокъ.

Наконецъ постромки пригнаны; кажется, все готово, но не теропитесь еще: простойте на льду добрыхъ полчаса. На всѣ ваши поужденія, на энергическіе возгласы казака слышится отвѣтъ: «сей шась, тай, пачка, строфу», (сейчасъ, дай батюшка сроку). Между тѣмъ остяки, собравшись въ кучу, толкуютъ, и разговоръ ихъ чрезвычайно похожъ на крикъ индѣйскихъ пѣтуховъ, когда ихъ раздражаютъ. Начинаютъ низкими нотами, но потомъ, какъ будто морозъ сжимаетъ языкъ, и они отрывисто глотаютъ слова. Остается самому идти, велѣтъ каждому сѣсть на свое мѣсто и быть готовыми. Вотъ двинулся экипажъ; чрезъ минуту крикъ: лола, лола, (стой)! у одного изъ доваго оторвалась веревка, или онъ уронилъ кнутъ, — всѣ до одного соскакиваютъ съ лошадей и начинается бравъ. Кто особенно нетерпѣливъ и раздражителенъ — тому совѣтую, для излѣченія отъ этихъ слабостей, прокатиться по Березовскому краю. Станцію въ 20 верстъ тащитесь, по случаю частыхъ остановокъ, часа три, и негдѣ обогрѣться и утолить голодъ.

Не считая эти неудобства за особенныя лишенія, я все-таки обрадовался, когда сказали, что мы не перемѣняя лошадей, приѣдемъ прямо въ Кандинскъ. — Завидѣвъ золоченный крестъ и куполь, неволью торопишь ямщика, но усталыя остяцкія клячи, въпряженныя гусемъ по одной, на каждой изъ которыхъ сидитъ неуклюжая болтающая ногами фигура, едва втаскиваютъ на каменистый берегъ рѣки Оби. На крутомъ, по правой сторонѣ рѣки, обрывѣ стелется длинная деревянная на 300 сажень ограда, изъ-за которой виднѣтся каменная монастырская церковь и домъ настоятеля. Высокая ограда каждаго монастыря, наружная чистота, стройное, ранжированное движеніе, распредѣленіе занятій и обязанностей по часамъ, напоминаютъ вамъ сразу — гдѣ вы, но Кандинскій монастырь, сверхъ того, производитъ какое-то странное, неопредѣленное впечатлѣніе.

Смѣсь древней архитектуры въ церкви съ претензіями на новѣйшую настоятельскаго дома, низенькія два строенія, похожія на казармы, монастырскія ворота, имѣющія форму военной караулки, общая запустѣлость напоминаютъ вамъ скорѣе упраздненныя сибирскія крѣпости, чѣмъ миссіонерскую обитель! Разрозненныя въ безпорядкѣ деревянныя избы безъ оградъ, бродящія по улицѣ въ остяцкихъ костюмахъ (въ «наркахъ» и «гусяхъ») фигуры приводятъ пут-

ника въ замѣшательство! Вамъ все кажется какъ-то не на мѣстѣ, какъ будто все сюда попало насильно, или случайно, и не радо этому...

Поговоривши съ мужичками и не услыхавъ отъ нихъ ничего, кромѣ жалобъ на плохое житье и на невыдачу хлѣба изъ казеннаго магазина, я отправился къ главѣ миссіонерства. На крыльцѣ дома мы встрѣтили маститаго мужчину; украшавшій его крестъ объяснилъ его офиціальное значеніе въ этомъ пустынномъ уголкѣ. Мы послѣдовали за нимъ. Испытанный на разстояніи 290 верстъ холодъ и голодъ, утоленный въ теплыхъ комнатахъ радушнаго хозяина, отымаешь у меня право передать то впечатлѣніе, какое произвела на меня наружная обстановка. Зная, что маститый старецъ находится 18 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, я съ особеннымъ интересомъ пустился въ разговоры о краѣ вообще и о инородцахъ въ особенности. Изъ восьми-часовой бесѣды я узналъ: когда проѣзжалъ такой-то высокопреосвященный, и что онъ изволилъ кушать, въ которомъ году былъ хорошій уловъ рыбы, о проживаніи его высокопреподобія въ лѣтнее время на рыбалкѣ монастырской, и между прочимъ, о томъ, какъ затруднительно брать остяцкихъ дѣтей для обученія грамотѣ. Часто сыпались упреки на инородцевъ въ недовѣрчивости, въ пьянствѣ и въ несоблюденіи христіанскихъ обрядовъ. Меня всего болѣе удивило, что человекъ, взявшій на себя миссіонерскую обязанность, не изучилъ остяцкаго языка. Послѣ этого представлены были его превосходительству, съ которымъ я ѣхалъ, обучающіеся въ миссіонерской школѣ 5 мальчиковъ; изъ числа которыхъ не трудно было узнать 3 остяковъ. Началось испытаніе. Дѣти читали бойко по-славянски и по-русски, — но читали, какъ поугай, не понимая значенія прочитанныхъ фразъ. На вопросъ, что такое христіанское ученіе, или катихизисъ? отвѣчали слово въ слово по книгѣ, но когда ихъ спросили: — почему же это ученіе называется христіанскимъ, а молитва «Отче нашъ» — Господнею? — то они замаялись и ничего не отвѣчали. Замѣчу здѣсь кстати, что въ сельскихъ школахъ, завѣдуемыхъ приходскимъ духовенствомъ, встрѣтите то же самое.

Рутину руководить и въ остяцкомъ краю нашихъ монастырей, между которыми попадаются и молодые люди. А вѣдь изъ остяковъ можно многое сдѣлать: они очень способны. Пробывшіе въ школѣ не больше 8 мѣсяцевъ читали чрезвычайно бѣгло, не смотря на то, что ихъ мучатъ варварскою, татарскою методою: заставляютъ вытверживать азбуку по-славянски. Скажите, пожалуйста, какого терпѣнія и труда нужно 8 и 9 лѣтнему ребенку для того, чтобы изъ вѣдѣ, ять, рцы и азъ сложить слово вѣра!

Монастырь этотъ основанъ съ цѣлью просвѣщенія остяковъ, и правительство озаботилось обезпеченіемъ принявшихъ на себя высо-

кую обязанность проповѣди между дикими племенами ученія Христова. Учрежденный въ 1635 году въ Березовѣ Свято-Троицкій монастырь переведенъ въ 1656 году, по повелѣнію Алексѣя Михайловича, въ Кандицкѣ, по просьбѣ остяцкихъ князьковъ Алачевыхъ, имѣвшихъ около этого мѣста свои стойбища, и названъ Кандицкимъ по имени текущей на сѣверѣ рѣчки Кандушки. По высочайшему указу, въ 1797 году отданъ монастырю казенный островъ, на которомъ, по генеральному размежеванію 1800 года, оказалось земли 471 десят., и 1201 кв. саж., а подъ рыболовными песками по большой Оби, Малой и по протокамъ заключается удобной и неудобной земли 1479 десят. и 1730 квадрат. саж. Сколько было приписано крестьянъ къ монастырю, изъ дѣлъ не видно; но судя по уцѣлѣвшимъ въ архивѣ копіямъ съ высочайшихъ указовъ и правительственныхъ распоряженій, присылавшимся къ монастырскому начальству для исполненія, можно заключить, что власть этого монастыря распространялась на всю Котскую землю, т. е. на протяженіи 400 верстъ въ длину. Замѣчательно, что даже поселившіеся въ этой странѣ не избавились отъ денежнаго взноса на постройку избъ на рѣкѣ Невѣ въ С. Петербургѣ. Взамѣнъ присылки рабочихъ было взыскано по Сибири по 1 руб. 5 алтынъ и 6 денегъ съ двора. Сверхъ того, между монастырскими документами обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе: дано было знать о томъ, чтобы не принимать ни указовъ, ни официальныхъ, ни партикулярныхъ писемъ за подписомъ князя Меншикова, и что всѣ указы отнынѣ будутъ за подписью самого государя. Присланъ былъ отъ князя Гагарина въ 1708 году основанный на высочайшемъ повелѣніи указъ о воспрещеніи подъ смертною казнію всѣмъ вообще, какъ изъ Россіи, такъ изъ Сибири выѣзда изъ Томска къ иноземцамъ и къ Ямышеву озеру, а равно и въѣзда изъ степи въ Томскъ и въ другіе города (*).

(*) Такъ какъ этого указа не находится въ Полномъ Собраніи Законовъ, то я приведу его здѣсь цѣликомъ: «Въ 1708 году іюля въ 30 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца Ивану Качанову. По ево великаго государя указу посланы въ Томскъ, къ воеводамъ къ Григорію Петрову Соловаго съ товарищи, изъ Сибирскаго приказу, его великаго государя грамоты, велѣно имъ въ Томску учинить заказъ, накрѣпко и смотрѣть, чтобы изъ Томска Томскіе и иныхъ городовъ всякаго чина люди въ степь къ иноземцамъ и къ Ямышу озеру изъ степи иноземцы въ Томскъ не ѣздили, а нынѣ вѣдомо великому государю учинилось, что изъ Томска Томскіе и иныхъ городовъ всякаго чина люди ѣздятъ въ степь, а въ Томскъ изъ степи иноземцы, также разныхъ городовъ русскіе люди пріѣзжаютъ за вышечисаннымъ великаго государя указомъ собою, а иные и по воеводскимъ отгускамъ ѣздятъ. И какъ тебѣ сей его великаго государя указъ придетъ и ты въ Томску всякаго чина людямъ сказать его великаго государя указъ, подъ страхомъ смертныя казни, чтобы изъ Томска никто собою

Въ 1836 году Кандинскій монастырь утверждёнъ Миссіонерскимъ, а въ 1844 г. при немъ открыто училище для 10 остяцкихъ мальчиковъ на полномъ отъ казны содержаніи.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ можно судить о той высокой цѣли и о той обширной дѣятельности, которыя были предоставлены Кандинскому монастырю, совершенно обезпеченному въ матеріальныхъ средствахъ. Что же онъ сдѣлалъ на самомъ дѣлѣ? посѣлялъ-ли онъ полезныя сѣмена между инородцами, ознакомилъ-ли ихъ съ истиннымъ смысломъ ученія Христова, наконецъ возвелъ-ли изъ тысячи дикарей хотя нѣсколько личностей на степень сознанія человѣческаго достоинства? Тяжело выговорить, а приходится отвѣчать: нѣтъ, и нѣтъ!

Въ настоящее время, въ монастырѣ, при такихъ значительныхъ угодьяхъ, монашествующихъ находится: одинъ архимандритъ (онъ же и настоятель), два іеромонаха и одинъ іеродіаконъ. — Одинъ изъ отцовъ учить, или правильнѣе, судя по методу обученія, мучитъ школьниковъ; другой долженъ быть въ стѣнахъ монастыря для исполненія требъ и службы. Архимандриту зимою тяжело, неудобно разъѣзжать по юртамъ и кочевьямъ, а лѣтомъ нужно позаботиться о рыбалкѣ, исправить загородный домъ. Не знаю, нужно ли и сожалѣть объ этомъ. Не смотря на двухъ-вѣковое существованіе святой обители, подъ опекой которой находились и исчезли цѣлыя поколѣнія, инородцы не имѣютъ ни малѣйшаго уваженія, ни малѣйшей привязанности къ миссіонерамъ, а пребываютъ только *во стражѣ*, слѣдуя ихъ убѣжденіямъ...

Сколько комическихъ сценъ происходитъ въ ожиданіи прибытія священника! Надо вамъ сказать, что остяковъ заставляють непремѣнно

ни для какихъ дѣлъ и по воеводскимъ отпускамъ къ Ямышу озеру и въ степь къ иноземцамъ, также чтобъ иноземцы въ Томскъ и въ томской уѣздъ для торговли отнюдь не ѣздили, для того, что отъ сего Бухарскаго торгу ево великаго государя казны есть великая трата, и смотрѣть тебѣ того накрѣпко, а буде русскіе люди кто въ степь собою или по воеводскимъ отпускамъ поѣдутъ, хотя и по воеводскимъ отпускамъ ѣздили, и тѣхъ людей взявъ держать до указа великаго государя за карауломъ, а дворы ихъ и животы и товары все брать на великаго Государя, а кто имѣлъ и что у кого взято будетъ или воеводы иноземцевъ кого въ Томскъ пропустять, о томъ къ Великому Государю писать отписку, велѣть подать въ Сибирскомъ приказѣ генеральному президенту и Московскому коменданту и Сибирскому праведному судѣ князю Матвѣю Петровичу, также и въ Енисейскъ къ стольнику къ князю Василю Ивановичу Гагаринымъ писать же, а буде за веѣмъ неусмотрѣнемъ кто русскіе люди чрезъ Томскъ въ степь или изъ степи чрезъ Томскъ же въ Сибирскіе города прѣѣдутъ, также буде воеводы кого иноземцовъ въ Томскъ пропустять и о томъ великому государю вѣдомо будетъ мимо тебя, и за то на тебѣ взять штрафъ не имой (?). Князь Василій Гагаринъ сирѣнялъ Левъ Кудрявцевъ.

но имѣть образъ и восковую свѣчу, для пріобрѣтенія которыхъ, какъ и вообще для исполненія прочихъ обрядовъ, нужны деньги. Дѣйствительно образа вездѣ есть, а свѣчу купятъ нѣсколько хозяевъ одну и раздѣляютъ между собою на 4 части, такъ что двумъ достанется по кусочку воску, двумъ по кусочку фитиля. Свѣчныя принадлежности спрятаны; но какъ ожидаютъ земскую или духовную власть, то старательно вымоютъ, вытрутъ стружками изъ дерева, за немѣнимъ полотенецъ, образъ, къ которому торопливо прилѣпятъ обожженный воскъ или фитиль; по отъѣздѣ бережно снова все прячется. Не только не имѣютъ понятія объ обрядахъ исповѣдуемой ими религіи, но не понимаютъ смысла самой первой христіанской молитвы: «Отче нашъ». Когда одинъ изъ преосвященныхъ, проникавшій въ самыя дальнія юрты и кочевья остяцкія, разъяснялъ черезъ посредство священника остякамъ значеніе словъ Господней молитвы, то они все понимали, но какъ дошло до словъ: избави насъ отъ лукаваго, то они стали въ туникъ и долго съ ними возились; наконецъ одинъ изъ остяковъ, знавшій лучше другихъ русскій языкъ, вскричалъ: «понялъ, понялъ, пачка, — это: *избави насъ отъ засѣдателя*».

Нечего сказать, благотворно и полезно заявило себя русское чиновничество между инородцами! Впрочемъ теперь можно встрѣтить порядочнаго человѣка, даже и на дальнемъ сѣверѣ, между земскими чиновниками, но дѣйствія ихъ парализируются иногда сбоку, а иногда свыше.

Время великаго поста самое удобное для ловли проточной рыбы. Какъ только снѣгъ начинаетъ рыхлѣть, спадуть морозы, остяки закамдинскіе и березовскіе, оставляя постоянныя свои жилища, разбродятся цѣлыми семьями по протокамъ за 100 и болѣе верстъ. Если упустятъ это время, то придется голодать и бѣдствовать до вскрытія и очищенія отъ льда рѣкъ; между тѣмъ духовенство настоятельно требуетъ людей въ церковь для говѣнія, прося немедленнаго и строгаго содѣйствія земскаго начальства. Остяку нужно запастись насущною пищею, онъ хочетъ работать, а его гонятъ — спасаться! Въ состояніи ли его голова переварить и взвѣсить такое благочестивое требованіе? Прежде онъ молился даромъ, на родину и похороны не требовалось издержекъ; теперь онъ живъ, а ему предлагаютъ купить заблаговременно вѣнчикъ. Остякъ руками и ногами отбивается, приговаривая, «пачка, я живъ хочу, умирать нѣтъ!» и оканчиваетъ разговоръ о вѣрѣ заключеніемъ: *русскій Богъ дорогъ!*—Между тѣмъ священникъ необходимо долженъ распродать живымъ вѣнчики, за которые консисторія требуетъ деньги разомъ за всѣ принимаемыя въ приходъ вѣнчики.—Въ случаѣ, если чиновникъ, войдя въ крайнее положеніе инородца, не приложитъ особеннаго старанія на исполненіе

воли духовнаго начальства, то навлечетъ на себя нареканіе въ бездѣйствіи, въ парализованіи попечительной заботливости пастырей, если еще не въ чемъ нибудь другомъ, когда онъ иновѣрецъ! — Не подумайте, читатель, чтобы я увлекался и фантазировалъ. Нѣтъ, всѣ мои замѣтки основаны на собственныхъ наблюденіяхъ, на фактахъ, видѣнныхъ мною самимъ и переданныхъ мнѣ правдивыми, добро-совѣстными лицами, имена которыхъ я, по нѣкоторымъ обстоятель-ствамъ, не долженъ объявлять.

По поводу Кандинскаго монастыря многое еще можно было выска-зать, но это выйдетъ пожалуй въ родѣ правительственныхъ мѣръ, предлагать которыя я не считаю себя въ правѣ.

Не могу впрочемъ не спросить себя: зачѣмъ до 2000 дес. земли подъ самыми лучшими угодыми оставлять въ пользованіи 4-хъ чело-вѣкъ монаховъ, съ 9-ю штатными служителями? — Вѣдь они не имѣютъ средствъ извлекать все, что можно бы добыть изъ этого участка, да и дѣло-ли ихъ заниматься черною работою, когда они имѣютъ болѣе важныя занятія? Не лучше ли бы обратить монастыр-скія дачи, рыболовные пески и прочія угоды въ оброчную статью? Охотники взять ихъ въ аренду найдутся, да пожалуй и кандинцы съ ближайшими больше-атлытскими юртами не вышустятъ изъ сво-ихъ рукъ этого доходнаго кусочка. Изъ вырученныхъ за сказанныя земли денегъ можно отпускать обезпеченную сумму на содержаніе монастыря, миссіонеровъ и школы. Освобожденіе отъ посторонняго труда, отъ заботъ о себѣ, дастъ возможность кандинскимъ миссіоне-рамъ посвятить себя исключительно возложенному ими на себя вели-кому дѣлу.

Довольно о Кандинскѣ, отправимся далѣе. Мы снова спускаемся на Обь; то же однообразіе, та же глушь, только наледи еще больше за-трудняютъ путь. Но за то здѣсь остяки удержали свой типъ, одежду, обычаи, однимъ словомъ, проявляютъ свою особенность. За 50 верстъ отъ Кандинска до Березова исключительно одніѣ остяцкія селенія или юрты. Разбросанныя по пригоркамъ въ самомъ разнообразномъ без-порядкѣ, чумы стоятъ одиноко, безъ ограды, безъ двора, кое-гдѣ тор-читъ на сваяхъ неуклюжій амбарчикъ для склада рыбы, и въ концѣ селенія общая изгородь для 5, 6 лошадей, если въ юртахъ 20 чумовъ. Чумъ—это низенькая бревенчатая, крытая землею хатка, съ отвер-стіемъ вмѣсто трубы. Прямо съ улицы дверь, въ которой нужно нагибаться до колѣнъ при среднемъ ростѣ, вводитъ во внутренность жилища остяка. Въ одну сторону отъ дверей глиняный чуваль, рас-пространяющій при горѣніи дровъ невыносимый дымъ по прямой ли-ніи, а когда закроютъ отверстіе, исправляющее должность трубы, то дѣлается страшный холодъ. Въ другую сторону расположенъ домаш-

ній скарбъ, противъ дверей нары, на которыхъ покоятся хозяева, валяются прикрытыя оленьими шкурками дѣти, тутъ-же собаки привязаны, надъ нарами развѣшана домашняя утварь и заготовленные на весну и лѣто пучки тоненькихъ стружекъ изъ тальника для вытиранія лица, посуды, половъ, дѣтей послѣ обмыванія. Эти стружки у за-кандинскихъ остяковъ, а равно и у березовскихъ и самоѣдовъ замѣняютъ полотенца. Въ окнахъ, которыхъ большею частію по одному, и рѣдко по два въ чумѣ, вставлены льдины, пропускающія въ комнату полусвѣтъ. Стекла въ окнахъ по березовскому краю рѣдки, онѣ замѣняются пузырями. При входѣ въ чумъ, не замѣчаешь прежней суетливости, угодливости: женщины остаются недвижимы, только, завидя васъ, вмгъ срываютъ висящія звѣриныя шкурки и прячутъ за себя, искоса поглядывая на незваныхъ гостей. По немногу чумъ наполняется толпою любопытныхъ; осмотрѣвши васъ и устремивъ глаза на огонь, они стоятъ неподвижно, или разядутся на нарахъ. Въ отворяемыя двери врываются клубы холоднаго пару, отъ льдины несетъ сыростью, дымъ ѣстъ глаза. Обратившись къ инородцамъ, умѣющимъ говорить по русски, я узналъ, что имъ удастся поймать собакою соболя, капканомъ лисицу; бьютъ изъ винтовокъ бѣлокъ; показали мнѣ зимнія и весеннія лыжи, на которыхъ они гоняются за звѣрями. Сознались, что хозяйки ихъ прятали звѣриныя шкурки изъ боязни, чтобы мы, какъ чиновники, не стали просить, или вымогать у нихъ. Сначала поглядывали на меня недовѣрчиво, но когда я объяснилъ, что я не чиновникъ и не имѣю никакого порученія, то были откровенны со мною.

Закандинскіе остяки считаются христіанами, но тайкомъ придерживаются нѣкоторыхъ старыхъ обрядовъ и вѣрованій. Чиновниковъ, или, какъ они называютъ, начальниковъ, боятся, а посѣщенія священниковъ избѣгаютъ. Узнавши, что одинъ живетъ мѣсяцъ съ женою невѣнчанный, я спросилъ: отъ чего-же ты не ѣдешь вѣнчаться? Денегъ нѣтъ,—былъ отвѣтъ, ясакъ платилъ недавно, а въ церквѣ пошъ давай, свѣчи покупай и всякъ давай денегъ, а гдѣ ихъ взять? Съ окончаніемъ зимы они, удаляясь по урманамъ и по протокамъ, успѣваютъ ускользнуть отъ заботливаго попеченія земскаго и духовнаго начальства; впрочемъ приходится поплатиться иногда, если накроютъ на поклоненіи медвѣдю, или на исполненіи другихъ обрядовъ.

Обитающіе на р. Сосвѣ, на которой находятся двѣ станціи до Березова, остяки, избавляясь по трудности путей въ кочевья ихъ отъ надзора властей, сохранили еще болѣе свои обычаи, и они достаточно остяковъ, такъ называемыхъ, котскихъ. Сосвинцы удержали свои преданія, разнообразятъ время пѣснями, плясками, имѣютъ свою народную музыку. У меня есть въ рукахъ ихъ инструментъ подъ на-

званіемъ *ходынъ-сабыль*; онъ сдѣланъ изъ дерева и имѣетъ форму лебедя, съ длинною выпуклою шею, съ боку которой прикрѣплено 10 или 12 струнъ изъ оленьихъ жилъ, или изъ проволоки; поэтому инструментъ и называется означенными двумя словами: *ходынъ-лебедь* и *сабыль-шея*.

Они особенно уважаютъ медвѣдя, котораго этимъ именемъ на ихъ языкѣ называютъ только охотники, стрѣлки, а прочіе величаютъ «дорогой гость». Сверхъ того, большая часть остяковъ-христіанъ, не говоря уже о неокрещенныхъ и самоѣдахъ, даютъ клятвы въ исполненіи обѣщаній, договора и проч. на медвѣжьихъ лапахъ, заставляя иногда и русскихъ, при долговыхъ обязательствахъ, исполнять этотъ обрядъ. Убивши медвѣдя, они набиваютъ чучелу, вставляютъ ей въ глаза крупный бисеръ, навѣшиваютъ украшенія, разставляютъ передъ ней рыбу, а лѣтомъ ягоды, и поютъ:

Дорогой гость, ты переплылъ столько рѣкъ,
Прошелъ столько лѣсовъ и соровъ, (*)
Не гнѣвайся, дорогой гость, пощади насъ и наши стада!
Вѣдь убилъ тебя не я, а ружье,
А его далъ намъ — — — Русскій.

Въ это время инородцы конечно пируютъ, пьянствуютъ. Но горе пирующимъ, если ихъ накроетъ земская власть, а особенно священникъ!... Замѣчу здѣсь кстати, что нѣкоторые производятъ слово остякъ отъ татарскаго *уштякъ*, которое выражаетъ презрѣніе и означаетъ грубый, невѣжественный народъ; такъ будто бы гордые повелители татары называли нѣкогда остяцкія племена. Но имя остякъ объясняется гораздо проще: рѣка Обь имѣетъ названіе по остяцки *асъ*, а *тягъ* — мѣсто пребыванія прибрежныхъ жителей рѣки; слѣдовательно астягъ, измѣненное русскими остякъ, означаетъ обитателя береговъ рѣки Оби. Сами же остяки называютъ себя: *Асхо*; слово это составлено изъ двухъ — *Асъ* рѣка Обь и *Хо* — человекъ, мужъ. Именемъ *Асхо*, означающимъ собственно природнаго жителя береговъ рѣки Оби, остяки чрезвычайно гордятся и если рыболовство, звѣропромышленность или другія обстоятельства отдалятъ ихъ отъ мѣста жительства въ урманы и другія отдаленныя отъ р. Оби мѣста, то они, хотя съ большимъ трудомъ, уплачиваютъ всю повинность прибрежныхъ остяковъ, не переставая называть себя всюду *Асхо*. Въ заключеніе вообще объ остяцкихъ остякахъ можно сказать, что они, не смотря на склонность къ

(*) Береговья мѣста рѣкъ, покрытыя мелкимъ гальникомъ и затопляемыя весною водой, на которыхъ косятъ сѣно.

пьянству, на праздность, на бѣдность, чрезвычайно уважають чужую собственность. Воровъ и мошенниковъ между ними нѣтъ, на убійства никогда не рѣшаются, и развѣ напившись, хватятъ въ дракѣ другъ друга такъ, что одинъ не встанетъ больше. Березовскіе и обдорскіе купцы сказывали мнѣ, что, везя въ Ирбитъ рухлядь и возвращаясь оттуда съ товарами, они совершенно спокойны при проѣздахъ по остяцкимъ юртамъ и, оставляя возки, уѣзжаютъ въ Березовъ. «Хоть золото разсыпьте—остякъ не тронетъ», говорили купцы.

И всему этому населенію—не предстоитъ никакой будущности! Не по слухамъ, но по собственному наглядному убѣжденію говорю, что грустно, безвыходно положеніе осѣдлыхъ остяковъ, находящихся подъ постояннымъ надзоромъ чиновничества, и прочею нравственно-растлѣвающею опекою, подъ разорительною кабалою монополистовъ, кушцовъ Н...хъ, П....хъ, Ч...хъ и другихъ, арендующихъ за ничтожную сумму лучшіе пески, выжимающихъ послѣдніе соки за пудъ муки и горсть соли!

Встрѣчая во всѣхъ чумахъ грязь, сырость, крайнюю бѣдность, видя истомленные лица остяковъ, страдающихъ глазами и пораженныхъ отъ мала до велика сифилисомъ (большая часть дѣтей—вся въ струньяхъ), придешь невольно къ заключенію, что со временемъ должно само собою сгладиться съ лица земли все это населеніе. Въ 60 лѣтъ населеніе остяковъ въ мужскомъ поколѣніи не многимъ увеличилось, а въ женскомъ значительно уменьшилось. Съ 1790 по 1800 годъ въ Березовскомъ округѣ считалось остяковъ, осѣдлыхъ мужчинъ 10635, женщинъ 10335, а по послѣдней переписи первыхъ 11937, а послѣднихъ 9700.

Тяжело то, что осѣдлые остяки сами не желаютъ лучшаго, не ропщутъ, не заявляютъ своихъ нуждъ, а покорно мирятся съ своей незавидной долею.

Вмѣсто того, чтобы отправлять въ семинарію обучающихся въ березовскомъ уѣздномъ училищѣ самоѣдовъ и остяковъ, гораздо полезнѣе было-бы, по окончаніи гимназическаго курса, образовать изъ нихъ медиковъ, (или на первѣй разъ хоть фельдшеровъ), а затѣмъ, обезпечивъ приличнымъ содержаніемъ, возвращать на родину, для помощи своимъ единоплеменникамъ.

Миновавъ давно русскія селенія, приближаясь къ Березову и сообразивши все видѣнное мною, я невольно задавалъ себѣ вопросъ: гдѣ же въ какихъ именно селеніяхъ березовскаго округа, — какъ случилось мнѣ читать и слышать, — есть такіе крестьяне, которые будтобы строятъ обширные дома, богато живутъ, носятъ мерлушчатыя шубы, дорогіе кафтаны, развѣшиваютъ звѣриныя шкурки и т. п.?

Ко всему переданному мною о бѣдности березовскихъ крестьянъ и

о средствахъ ихъ къ жизни, прибавлю еще, что постройки у нихъ несравненно бѣднѣе и грязнѣе, чѣмъ въ другихъ округахъ Сибири.

Звѣроловство по Иртышу и Оби, въ мѣстахъ расположенія русскихъ поселеній, весьма плохо; соболей на этомъ пространствѣ, за исключеніемъ приточныхъ рѣчекъ: Енды, Конды, Сосвы и другихъ, гдѣ нѣтъ русскихъ поселеній, вовсе не водится, лисицъ очень мало. Остяки Котскихъ городковъ возносятъ ясакъ большею частью кормленками, т. е. лисицами, которыхъ они ловятъ весною и лѣтомъ въ гнѣздахъ (норахъ) и, прокормивши, убиваютъ осенью. Наконецъ, если бы и удалось крестьянину достать какую нибудь шкурку, то онъ спрячетъ ее и не станетъ хвастаться, потому что имъ запрещено закономъ заниматься звѣроловствомъ въ урманахъ, состоящихъ исключительно во владѣніи остяковъ. Въ березовскомъ краѣ, за исключеніемъ обдорскаго отдѣленія, обитаемаго бродячими остяками и самоѣдами, составляетъ главную промышленность рыболовство, — а не звѣроловство, какъ многіе заявляли это часто. Помнится еще, что говорили и о христіанскомъ просвѣщеніи остяковъ, о ихъ покорности, преданности начальству и о гостепріимствѣ и радушіи ихъ. Что касается до послѣдняго, остяки не имѣютъ матеріальной возможности быть таковыми, потому что самимъ почти нечего ѣсть, а о нравственности ихъ замѣтимъ слѣдующее: рѣдкая дѣвушка выходитъ замужъ — дѣвой, рабочіе рыбопромышленныхъ судовъ, посадившіе корень сифилиса между инородцами, успѣли давно искоренить цѣломудріе между тамошними женщинами, мужья и братья которыхъ тоже очень не прочь попользоваться на сторонѣ.

Неудивительно было бы, если бы подобныя преувеличенія имѣли мѣсто при описаніи какого нибудь южнаго края, богатаго роскошною природою, населеннаго красивыми обитателями: тутъ можно еще подпасть увлеченію, но странно надѣлять ангельскими качествами жителей далекаго сѣвера и насиловать природу, совсѣмъ не представляющую пищи для воображенія.

По моему убѣжденію, не только не добросовѣстно, но даже преступно скрывать отъ насъ дѣйствительное, настоящее положеніе пустынныхъ отдаленныхъ уголковъ пространнаго отечества и делѣть кого бы-то ни было увѣреніями о небываломъ благосостояніи тысячъ людей. Необходимо, мнѣ кажется, выставлять наружу недостатки не только рельефно выдающіеся, но даже скрытые подъ спудомъ и не для каждаго осязаемые; необходимо предугадывать, ловить случаи, могущіе быть вредными въ будущемъ. Этимъ возбудишь энергію, стремленіе исправить старое или придумать новое, идти впередъ, а не дремать.

Подъ вліяніемъ этихъ грустныхъ думъ, мнѣ хотѣлось поскорѣе

миновать грязныя жилища остяковъ и спѣшить въ Березовъ. Но спутникъ мой остановился для приготовления обѣда на англійской паровой кухнѣ. Изящная машина, дѣйствующая паромъ, какъ-то не согласовалась съ грязнымъ чумомъ, въ которомъ отъ угара и отъ зловонія, распространяемаго соленой рыбой, трудно было оставаться продолжительное время. — «Неужели А. В. вы думаете примѣнить къ дѣлу здѣсь эту кухню? не лучше ли въ кастрюлкѣ разогрѣть щи на угляхъ?» спросилъ я моего спутника. «А вотъ увидите, черезъ 20 минутъ будетъ обѣдъ готовъ» — отвѣчалъ мнѣ съ озабоченною миною А. В., приправляя фитиль къ лампѣ и наливая спирту. Между тѣмъ фитиль гасъ, 80° спиртъ не горѣлъ, прошелъ часъ времени, а все ничего не выходило, да и трудно было воспламенить спиртъ, который на разстояніи 1000 верстъ былъ подъ тридцатиградуснымъ морозомъ, по милости котораго и всѣ припасы превратились въ камень. Пришлось разогрѣвать обѣдъ на угляхъ.

Поѣвши плотно, особенно послѣ 24 часовъ поста, начинаешь дремать; то же случилось и со мною. Въ дремотѣ мнѣ все мерещился Березовъ.

И дѣйствительно, заблеставшіе на горѣ огоньки, пронзительные крики ямщиковъ, неистовый лай собакъ, возвѣстили приближеніе къ Березову.

II.

БЕРЕЗОВЪ.

Общій видъ города. — Почитаніе русскими и остяками одной и той же мѣстности. — Разыскиваніе древностей; оставшіеся памятники, изустныя преданія. — Могила Остермана. — Уцѣлѣвшія въ архивѣ дѣла о политическихъ преступникахъ, извлечения изъ этихъ дѣлъ. — Составъ общества; нѣчто о чиновникахъ; мѣстная гастрономія, святочныя увеселенія; открытіе женской школы; нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія; разказы медика. — Сборы въ Обдорскѣ.

Памятный по ссылкѣ знаменитыхъ временщиковъ гор. Березовъ, расположенный на лѣвомъ берегу р. Сосвы, основанъ еще въ 1593 г., но, не смотря на 2½ вѣковое существованіе, походитъ скорѣе на деревню. Въ немъ всего три улицы и четвертая береговая, изъ нихъ по двумъ весною и лѣтомъ нѣтъ проѣзда, и можно только пройти по намоленнымъ у заборовъ бревнамъ. Изъ 170 домовъ (*) не болѣе десяти

(*) Въ этомъ числѣ 5 казенныхъ, и сверхъ 170 домовъ 3 казенныхъ подвала, 1 пороховой погребъ, казначейская кладовая и 1 лавка для продажи соли. Жи-

порядочныхъ, въ томъ числѣ два казенныхъ и одинъ общественный, а остальные сѣрые, покривившіеся; на двухъ холмахъ по берегу рѣки, прорѣзываемыхъ протоками, построены казенныя зданія. Городъ скрашивается только двумя каменными церквями, стоящими на живописныхъ и господствующихъ мѣстностяхъ надъ самымъ берегомъ. Съ сѣверо-востока р. Сосва полукругомъ огибаеть городъ; въ этомъ-то мѣстѣ, на двухъ холмахъ находился прежній городъ. Близъ Богородице-Рождественской церкви былъ острогъ, гдѣ содержались Меньшиковы, Долгоруковы; тутъ находилась и построенная иждивеніемъ и личнымъ участіемъ князя Меньшикова церковь; слѣды фундамента которой видны и по настоящее время.

За церковью на самомъ обрывѣ Сосвы, огибающей въ этомъ мѣстѣ городъ полукругомъ, осталось запусѣлое, старое кладбище, многія могилы подмыты водою, другія обрушились въ рѣку. Между покривившимися на бокъ, пожелтѣвшими отъ плѣсени крестами, вѣроятно, поближе къ церкви былъ похороненъ князь Данила Меньшиковъ, мѣсто погребенія котораго, не смотря на тщательныя розысканія, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ.

Одни вѣковья лиственницы, склонившія какъ-то угрюмо вѣтви надъ кладбищемъ, знаютъ, гдѣ именно покоятся останки знаменитаго временщика. Открытая въ 1826 году бывшимъ тобольскимъ губернаторомъ Бантъшъ-Каменскимъ могила, судя по величинѣ небольшого гроба и найденнымъ сверхъ него двумъ маленькимъ дѣтскимъ гробикамъ, есть скорѣе могила дочери Меньшикова, царской невѣсты, вышедшей, по березовскимъ преданіямъ, замужъ за князя Долгорукова. Кромѣ того, могила эта совершенно въ противоположномъ концѣ отъ стараго города и отъ церкви, выстроенной Меньшиковымъ, близъ которой онъ былъ, вѣроятно, похороненъ.

Мѣсто около стараго кладбища, на выдавшемся мысѣ, самое живописное; оно открываетъ видъ на Сосву, берега которой, среди океановъ снѣга, украшены вѣчно зеленымъ хвойнымъ лѣсомъ.

Общій видъ города производитъ какое-то уныніе; всюду глыбы снѣгу, бѣдненькіе домики, безжизненность, изрѣдка только пробѣжить смѣненный съ караула казакъ въ паркѣ (остячкомъ верхнемъ костюмѣ) и оленьихъ сапогахъ (пимахъ) съ ружьемъ на плечахъ, провезуть дрова или воду на собакахъ. При этомъ вѣчныя сумерки; солнце, какъ бы боясь морозовъ, только сквозить, а не свѣтитъ. Да, дѣйствительно, нельзя было придумать болѣе тяжкаго нравственнаго наказа-

телей въ Березовѣ всѣхъ, за исключеніемъ чиновниковъ, 1234 души обоего пола, считая казаковъ, а также остяковъ и самоѣдовъ. Эти послѣдніе находятся въ услуженіи у чиновниковъ и купцовъ.

нія для временщиковъ, — какъ ссылка въ это угрюмое, давящее душу мѣстечко! Общая глушь, дикость, тоскливость природы придаютъ Березову какъ бы видъ тюрьмы не подъ каменнымъ или деревяннымъ сводомъ, а подъ сѣрымъ, заслоняющимъ солнце небомъ. Невольно отвернешься отъ города и устремишь взглядъ на зеленую полосу лѣса, измѣняющуюся далѣе въ черную и сливающуюся съ горизонтомъ. Одинъ только этотъ мысъ разсѣтъ утомленный пустынною глазу путешественника.

Мѣсто это чтится русскими и остяками. Вправо отъ кладбища стоитъ ветхая, повалившаяся на бокъ, поддерживаемая подпорками часовенка, съ высокимъ деревяннымъ помостомъ, на которомъ укрѣпленъ крестъ. По какому случаю и когда именно устроена часовня, обновлявшаяся впослѣдствіи нѣсколько разъ, — никто опредѣлительно не знаетъ. Одни говорятъ, что первоначально она выстроена Меньшиковымъ въ честь ангела его дня; другіе утверждаютъ, что подъ нею похороненъ какой-то праведникъ, гѣнь котораго являлась передъ несчастіями, засухами, пожарами и т. п. бѣдствіями; но всѣ очень уважаютъ это мѣсто. При общемъ бѣдствіи и при несчастіи отдѣльных лицъ, березовцы служатъ здѣсь молебны и панихиды, и какъ не извѣстно имя праведника, то къ нему обращаются такъ: *Имя его Ты, Господи, всьсть!* Въ іюнь мѣсяцѣ служится здѣсь общая панихида съ молебномъ, въ память того, что въ 20 годахъ, былъ страшный голодъ, хлѣба не привозили въ теченіи полутора мѣсяцевъ, и какъ только березовцы отслужили у часовни молебенъ, то показалась барка съ хлѣбомъ. Вѣра многихъ простирается до того, что взятая у этой часовни, послѣ молебна или панихиды, земля считается спасающею отъ лихорадки и другихъ болѣзней и служащею предохранительнымъ талисманомъ отъ несчастій.

На мысу между Богородице-рождественской церковью и часовней уцѣлѣли корни лиственницъ, существовавшихъ до основанія города и срубленныхъ изъ боязни, чтобы, упавши, онѣ не повредили церкви и часовни. И срубленныя лиственницы, и весь мысъ были очень чтимы инородцами, и здѣсь приносились жертвы. Пронывая мимо этого мѣста по Сосвѣ, остяки, даже и нынѣ, перестаютъ грести веслами и кидаютъ въ рѣку противъ лиственницъ разныя металлическія вещи, особенно серебряныя деньги. Около лиственницъ находили въ землѣ мѣдныя и серебряныя монеты стараго чекана.

Осмотрѣвъ городъ, я отправился за розысканіемъ древностей въ церковь, такъ какъ большею частію въ церквахъ сохранялись въ Россіи старинные памятники. Но Березовъ и въ этомъ отношеніи не можетъ удовлетворить любознательности даже фланера, не говоря уже

о специалистахъ. Въ Рождественской церкви сохранились изъ старыхъ двойныхъ матерій, затканыхъ золотомъ и серебромъ, ризы съ андреевскими звѣздами Меньшикова и Долгорукова. Въ Спасской церкви есть нѣсколько иконъ, принесенныхъ въ даръ, и присланныя въ 1764 году изъ Москвы книги: апостолъ и служебникъ, съ собственноручною на каждомъ подписью княжны Елены Долгоруковой (*), возвращенной изъ Березова и вышедшей въ Москвѣ замужъ за князя Долгорукова же. Но въ подлинности этихъ надписей я сомнѣваюсь и потому, что при сличеніи обѣихъ надписей онѣ оказались не только не схожими между собою по почерку, и даже въ подписи фамиліи на апостолѣ нѣтъ сходныхъ буквъ съ подписью въ служебникѣ.

Еще есть золотой подъ голубою эмалью медальонъ, съ нѣсколькими русскими волосками. Составленная въ 1842 году книга о церковномъ имуществѣ гласитъ, что въ медальонѣ этомъ хранятся волосы княжны Маріи Меньшиковой, взятые по смерти мужемъ ея княземъ Федоромъ Долгоруковымъ, — который избѣжалъ опалы Бирона, пріѣхалъ въ Березовъ подъ чужимъ именемъ и здѣсь тайно обвѣнчался съ Маріею. Но положительныхъ письменныхъ доказательствъ въ справедливости этого факта нѣтъ нигдѣ.

Изустныхъ преданій тоже не сохранилось; сколько я ни старался разспрашивать старичковъ, начиная отъ чиновниковъ, благочинныхъ и оканчивая казаками и мѣщанами, почти ничего не могъ развѣдать. Меня удивило равнодушіе русскаго человѣка къ историческимъ судьбамъ отечества; пустыя климатическія явленія, проѣзды начальниковъ, бывшія по этому случаю разбирательства, а особенно если сопровождались наказаніемъ, — они помнятъ, а до остальнаго имъ дѣла нѣтъ. О жизни Меньшикова сохранилось только то, что онъ самъ строилъ церкви, часто говорилъ съ народомъ и разъ, сидя на томъ мысѣ, о которомъ выше упомянуто и гдѣ онъ большею частію проводилъ свободное время, сказалъ казаку Михайлову: «вотъ теперь ты сидишь со мной рядомъ и говоришь, а прежде наши вельможи, иностранные принцы и князья платили дорого за то, лишь бы поглядѣть на меня, а каждое слово мое считалось особенною милостью». Вообще же онъ не любилъ говорить о прежней своей славѣ и величіи. О пребываніи Долгоруковыхъ рѣшительно нѣтъ преданій.

Остерманъ счастливѣе Меньшиковыхъ и Долгоруковыхъ.

Надъ могилою Остермана, умершаго въ 1749 году, вдова его по-

(*) «Въ 1764 году, сентября 1 дня. Сію книгу дала вкладу въ церковь Всемилостивѣйшаго Спаса, что въ Сибири въ Березовскомъ острогѣ, на поминованіе своихъ родителей, преставившихся тамъ. Княгиня Елена, княжъ Алексѣева дочь Долгорукова».

ставила деревянный срубъ, гдѣ служились вначалѣ панихиды и горѣла постоянная лампадка при образѣ. Потомъ одинъ бѣдный причетникъ, съ согласія общества, а вѣроятно и начальства, перенесъ этотъ срубъ къ себѣ во дворъ и сдѣлалъ изъ него амбаръ. Въ 1848 году, когда начальникъ уральской экспедиціи полковникъ Гофманъ былъ въ Березовѣ, то 80-ти лѣтній старикъ, казакъ, указалъ ему мѣсто (въ недалекомъ разстояніи отъ Богородице-рождественской церкви на сѣверо-западѣ), на которомъ стоялъ сказанный срубъ, гдѣ этотъ старикъ, бывши еще маленькимъ мальчикомъ, игралъ въ пряники и скрывался отъ дождя; онъ говорилъ, что подъ срубомъ похороненъ знаменитый ссыльный изъ нѣмцевъ, ходившій, какъ сказывали ему старики, на костыляхъ. Ударивши шурфъ въ этомъ мѣстѣ, для узнанія на сколько промерзаетъ земля, наткнулись на гробъ, — въ которомъ по многимъ несомнѣннымъ признакамъ дѣйствительно былъ похороненъ Остерманъ, — и поставили черный крестъ съ надписью, огородивъ деревянною рѣшеткою.

Записавши изустныя преданія, я обратился къ архивнымъ дѣламъ. Старыя дѣла земскаго суда и градской полиціи, куда переданы были дѣла воеводской канцеляріи и комиссарства, сгорѣли, — но описи сохранились. Впрочемъ какъ въ нихъ, такъ и въ уцѣлѣвшихъ дѣлахъ окружнаго суда, которыя восходятъ до 1720 года, — не только нѣтъ никакихъ свѣдѣній о ссылкѣ знатныхъ временщиковъ, но даже имена ихъ не упомянуты ни разу.

О ссылкѣ же въ Березовъ польскихъ плѣнныхъ конфедератовъ дѣла уцѣлѣли.

Въ 1772 году было прислано на житье на баркѣ купца Худякова четыре польскихъ конфедерата, въ главѣ которыхъ Вицентій Мрозовскій, съ выдачею имъ по 3 копѣйки кормовыхъ въ сутки; изъ нихъ двое, крестившіеся въ православную греческую вѣру, были возвращены въ Tobольскъ для поселенія внутри Сибири (*).

Въ 1774 году препровождены были, при ордерѣ сибирскаго генералъ-губернатора Чичерина, на казенномъ судиѣ 35 человекъ польскихъ конфедератовъ, намѣревавшихся произвести въ Tobольскѣ бунтъ. По прибытіи этихъ плѣнныхъ въ Березовъ, приказано было распределить ихъ въ казаки и имѣть строгій присмотръ, дабы не могли сдѣлать возмущеніе, въ противномъ же случаѣ поступать съ ними *яко со злодѣями*. Если они пожелаютъ креститься, то выдавать имъ награжденія по 18 руб. сер. Всѣ эти плѣнные помѣщены были въ особомъ зданіи, за строгимъ казачьимъ карауломъ.

(*) Дѣло 1772 г. по описи № 352. О присланныхъ въ г. Березовъ причислившихся по побѣгу за границу польскихъ плѣнныхъ конфедератовъ Вицентіи Мрозовскомъ и о прочемъ.

Изъ дѣлъ между прочимъ видно, что ротмистръ Тренсъ, получавшій сначала по 40 коп. въ сутки, развлекалъ себя школьничествомъ: подкрадывался къ банямъ по субботамъ, когда бабы парились, и стрѣлялъ въ окна холостымъ зарядомъ, пугалъ ночью народъ и разъ обругалъ караульнаго казака—шельмою. За все эти проделзости былъ посаженъ въ острогъ, съ выдачею по 3 коп. кормовыхъ. Конфедерату Кличинскому запретили лечить въ Березовѣ, такъ какъ онъ многихъ уморилъ въ *Тобольскъ*, и повелѣно производить кормовыхъ по 4 коп. въ сутки. Эта сумма была назначена и всемъ принявшимъ греческую вѣру, — о чемъ правительство особенно заботилось. Изъ нѣкоторыхъ данныхъ можно заключить, что надъ конфедератами-католиками, слѣдовательно христіанами, возобновляли таинство крещенія при принятии ими православія. Въ промеморіи 1773 года сказано: «конфедераты Гродекій и Сургучевскій приведены въ греческую вѣру и во св. крещеніи наречены первый Василюемъ, а второй Иоанномъ. Восприемникомъ 1-го былъ прапорщикъ Лавриновъ, а 2-го посадскій Власовъ».

Вообще съ плѣнными обращались чрезвычайно строго; не только имъ самимъ приходилось жутко, но кара Чичерина не миновала даже отцовъ, дѣти коихъ сводили дружбу съ ними. Бывшіе въ связи съ поляками дѣвки высылались изъ Березова въ Обдорскъ и въ другія малонаселенныя, отдѣльныя деревушки, каковой участи не избѣгли и родители этихъ несчастныхъ, увлекшихся поляками.

Всѣхъ конфедератовъ съ 1773 по 1774 г. было прислано въ Березовъ около 40 человекъ, изъ нихъ 5 человекъ, принявшіе греческую вѣру, возвращены скорѣ въ Тобольскъ, 2 поступили въ казаки, а остальные неизвѣстно гдѣ поселились. Вѣроятно они сдѣлались родоначальниками многихъ поселянъ Березовскаго округа, имѣющихъ нынѣ польскія фамиліи.

Не захотѣвшіе креститься и поступить на службу въ числѣ 8 человекъ, въ главѣ которыхъ находился шаловливый ротмистръ Тренсъ, возвращены въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Тобольскъ.

Секретное дѣло о конфедератахъ закончено высочайшимъ указомъ о дозволеніи польскимъ плѣннымъ поселиться свободно внутри Сибири, съ выдачею восприявшимъ греческую вѣру единственнаго награжденія по 18 руб. серебр. Указъ этотъ основанъ на докладѣ Чичерина, заявившаго о пользѣ оставленія всѣхъ вообще польскихъ плѣнныхъ конфедератовъ (принявшихъ и не принявшихъ православія) въ Сибири, такъ какъ они свѣдуши въ *разныхъ художествахъ*, которыя могутъ распространить въ краѣ.

Въ 1825 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, по распоряженію тобольскаго губернатора, былъ высланъ безъ суда и слѣдствія изъ Тобольска въ Обдорскъ на житье отставной подканцеляристъ Александръ Тихановъ,

за нетрезвую жизнь и за подозрѣніе въ связяхъ съ ссыльными. Вновь назначенный губернаторъ Бантышъ-Каменскій дозволилъ въ 1826 году Тиханову, вслѣдствіе жалобы его о неимѣніи средствъ къ существованію, возвратиться въ Россію только прямо черезъ Уралъ и Архангельскъ.

Съ 1839 по 1856 г. Березовъ былъ мѣстомъ заключенія политическихъ преступниковъ собственно сибирскихъ, т. е. киргизовъ, большая часть которыхъ была султанскаго происхожденія, — сосланныхъ сюда за участіе въ мятежѣ Келисары, за сношенія съ невѣрноподданными киргизами и за разбой (баранту).

Отъ покойниковъ и древностей — перейдемъ къ живому, къ настоящему.

Общество г. Березова состоитъ, какъ во всѣхъ почти сибирскихъ городахъ, изъ однихъ чиновниковъ, съ тою только особенностью, что здѣсь благочинное духовенство стоитъ во главѣ народнаго просвѣщенія и премируетъ въ частной и общественной жизни. Мѣстныхъ зажиточныхъ купцовъ очень мало; только одна личность изъ этого сословія да служащіе по откупу появляются среди чиновниковъ. Главные монополисты, держащіе въ своихъ рукахъ промышленность этого края и выжимающіе послѣдніе соки изъ остяковъ, проживаютъ въ Березова, а сюда присылаютъ повѣренныхъ своихъ — кулаковъ, рыскающихъ по юртамъ и по кочевьямъ.

Современные вопросы, прогрессивныя новости въ администраціи, въ литературѣ и въ наукахъ, чужды для березовцевъ, да и движеніе слова и мысли затруднительно; пока дойдетъ сюда вѣсть о новости, то она уже состарѣлась даже внутри Сибири. Общество, за исключеніемъ молодыхъ врачей — людей образованныхъ, не обновляется свѣжими личностями, знакомящими съ нынѣшними потребностями и съ обязанностями службы, да на подобныхъ людей и посматриваютъ — то не совсѣмъ дружелюбно.

Собираются между собою очень рѣдко. На званныхъ обѣдахъ и вечерахъ, барыни и барышни (назвать березовскій прекрасный полъ женщинами — право языкъ не поворачивается) отдѣляются отъ мужчинъ и особнякомъ забавляются яствами и сластями, не сказавъ во все время рауга ни слова съ мужчинами. Считаютъ-ли березовскія дамы и дѣвицы за грѣхъ, или за нескромность свободно говорить съ мужчинами, — или же, статья можетъ это происходить отъ того, что женамъ, какъ низшимъ, по понатію нашихъ патриархальныхъ чиновниковъ, существамъ, неприлично и дерзко показываться предъ лицо высокаго превосходительнаго гостя, — какъ бы то ни было, но во время моихъ посѣщеній березовскихъ раутовъ вмѣстѣ съ А. В. татар-

ская патриархальность царя тамъ во всей силѣ. Читаетъ мало, а книгъ выписываютъ еще меньше.

Незавидно положеніе главнаго тамошняго начальника, соединяющаго въ себѣ гражданскую и военную власть. Онъ челоуѣкъ образованный, очень порядочный, выписываетъ журналы и много читаетъ, но держась системы невмѣшательства въ администраціи, въ общественной и домашней жизни, онъ встрѣчаетъ мало сочувствія и остается почти всегда одинъ, не заявляя себя. Другое дѣло предшественникъ его, грозный маіоръ (какъ говоритъ преданіе); тотъ держалъ себя какъ намѣстникъ: по праздникамъ дѣлалъ выходы, заставлялъ ожидать чиновниковъ въ мундирахъ по часу, вмѣшивался въ увеселенія жителей. Однимъ словомъ, всюду былъ начальникомъ. Можетъ, вамъ, читателю, живущему въ Европѣ, покажется страннымъ подобная заботливость начальства о частной жизни служащихъ въ Азіи! — Но я вамъ, какъ очевидецъ, скажу болѣе: даже въ главномъ городѣ, гдѣ сосредоточены всѣ военные съ густыми эполетами и гражданскіе тузы съ превосходительными титулами, былъ такой обычай, который теперь, благодаря *новымъ перемѣнамъ*, уже миновалъ, — что балы, танцевальные вечера, любительскіе спектакли назначались не тогда, когда общество желало веселиться, а тогда, когда его пр-ству было угодно. Мало этого, намъ незначительнымъ чиновникамъ изъяснялись свѣше неудовольствія за то, что мы танцовали съ тѣми, кого ихъ пр-ствамъ не угодно было принимать въ своихъ палатахъ, простирались гоненія и на мужей, жены которыхъ являлись въ черномъ платьѣ на балъ, даваемый въ честь благополучнаго возвращенія ихъ пр-ства. Если владыка не присутствовалъ на разрѣшенномъ имъ вечерѣ, то на другой день ему по тайному докладу явной полиціи было извѣстно, сколько молодежь вышила бутылокъ, за что и получала распеканцію, въ силу которой приказывалось не смѣть кутить, а заниматься дѣломъ... То ли еще бывало, всего не перескажешь! Извините, что я отклонился отъ предмета моего разсказа, но эти факты могутъ служить поясненіемъ разсказа о заботливости нашего начальства о подчиненныхъ.

Всмотрѣвшись поближе и обсудивши хладнокровно существующій порядокъ вещей, не станешь удивляться общественному застою, а тѣмъ болѣе казнить словомъ березовскихъ чиновниковъ и обывателей, какъ дѣлали нѣкоторые губернскіе чиновники, ѣздившіе по порученію и представлявшіе свои замѣтки о березовскомъ краѣ. Содержаніе ничтожное, не превышающее окладовъ внутреннихъ округовъ, между тѣмъ дороговизна, сравнительно съ послѣдними, на всѣ жизненные потребности — страшная. Мясо привозятъ за 300 и 500 верстъ изъ русскихъ селеній, и то только зимою; овощи родятся только согрѣваемые въ землѣ, какъ-то: рѣпа, картофель, морковь, а капу-

ста привозится по заказу за 1,000 верстъ и составляетъ гораздо большую рѣдкость, чѣмъ свѣжій виноградъ и яблоки въ декабрѣ и январѣ въ Омскѣ и Тобольскѣ. Подобная матеріальная обстановка, исключая всякую мысль о самомъ незатѣливомъ комфортѣ, влечетъ за собою бѣдность, заставляетъ постоянно заботиться о насущномъ хлѣбѣ, лишаетъ энергіи къ общественной, служебной дѣятельности. Далѣе, изолированность Березова отъ прочихъ городовъ, затруднительность сообщеній, потому что почта приходитъ и отходитъ одинъ разъ въ двѣ недѣли, но въ весеннее, лѣтнее и осеннее время, по случаю одного водянаго сообщенія, когда подымутся вѣтры, опаздываетъ недѣлю и болѣе. По вскрытіи льда березовцы по шести недѣль сидятъ точно въ осадномъ положеніи или словно зачумленные. Всякое сообщеніе прекращается, въ этотъ промежутокъ они не получаютъ вѣстей, не увидятъ сторонняго человѣка, въ довершеніе всѣхъ удовольствій питаются одною рыбою. При этомъ 8-ми мѣсячная суровая зима, въ продолженіе которой трудно отъ постоянныхъ морозовъ высунуть носъ изъ дому, гдѣ съ 1½ часа пополудни уже темно, затворяются ставни и зажигаются свѣчи. Лѣтомъ вода и тундры вокругъ; невозможно даже пройти и пѣшкомъ за городъ дальше двухъ-трехъ верстъ; такимъ образомъ трудно развлекать себя даже охотою, къ которой многіе чиновники прибѣгаютъ, какъ гигиеническому средству, чтобы размять спину и кости послѣ 6 часового сидѣнія на службѣ. Общественныхъ развлеченій никакихъ нѣтъ, да и быть не можетъ. Скажите на милость, чѣмъ разнообразить время кромѣ службы, которая, при нашихъ порядкахъ, черствитъ, огрубитъ человѣка? Читать — но къ этому нужно быть подготовленнымъ; да притомъ не все же мертвая буква, необходимо живое слово, обменъ мыслей, а ихъ нѣтъ...

Одно средство:—обзавестись поскорѣ женой да кучей ребятъ, къ чему и прибѣгаетъ большая часть, особенно изъ сибиряковъ. Но гдѣ и какъ образовать этихъ ребятъ? Не говорю уже о лишеніяхъ, испытываемыхъ земскими чиновниками при разъѣздахъ зимою: по 700 верстъ и болѣе дѣлаютъ концы, только въ одну сторону, на оленяхъ, по кочевьямъ остяковъ и самоѣдовъ; въ теченіе мѣсяца ни разу не отогрѣются, голодаютъ и часто сидятъ безъ хлѣба на одной рыбѣ. Всѣ эти удовольствія за 450 р. сер. въ годъ.

Кто же при такой перспективѣ рѣшится запрогнаться въ этотъ край изъ порядочныхъ, образованныхъ людей? Оканчивается тѣмъ, что ѣдетъ или бѣднякъ, который нуждается въ насущномъ кускѣ хлѣба, не спрашивая себя, по его ли головѣ и натурѣ занята имъ должность, или тотъ, кто лишится мѣста во внутреннемъ округѣ, или, правильнѣе, кого, въ видахъ исправленія и наказанія, переведутъ въ

Березовъ. Послѣдній порядокъ въ большомъ ходу. А мнѣ кажется, что въ березовскомъ краѣ, откуда до главнаго и губернскаго начальствъ слишкомъ далеко, краѣ, населенномъ инородцами, не умѣющими заявлять свои жалобы и нужды, нужны болѣе чѣмъ гдѣ либо гуманные, образованные дѣятели и исполнители.

При настоящемъ же содержаніи и порядкѣ вещей трудно заманить такихъ чиновниковъ. Хотя бы сокращался срокъ на пенсію — и того нѣтъ.

Послѣ всего этого не удивись, слушая сопровождаемые аппетитнымъ ямоканьемъ губъ и пощелкиваньемъ языка рассказы о томъ, какъ весь аристократическій Березовъ, отправившись на рыбалку, кушаетъ цѣликомъ сырыя, взятыя прямо съ невода, селедки. Зимомъ самая любимая гастрономическая забава слѣдующая: разстелить на полу скатерть, положить на нее пудоваго замороженнаго осетра и, усѣвшись вокругъ, отрѣзываютъ по тоненькому ломтику и, обмакнувши въ соль, кушаютъ эту мерзлятину.

Единственное развлеченіе въ рождественскія святки, для березовцевъ, заключается въ приѣмѣ наряженныхъ, (какъ называютъ маскированныхъ въ сибирскихъ городахъ, любящихъ эту забаву до страсти) и въ театрѣ, или правильнѣе въ лоданіи комедій солдатиками и казаками.

Канцелярскіе чиновники, мѣщане и казаки упражняются въ маскарадѣ. Обматываетъ голову бѣлымъ полотенцемъ, подпоясается по верху халата шарфомъ, прицѣпляетъ форменную шапку и изображаетъ прознаго «турку», шагая въ безмолвіи по комнатамъ. Особенно же любятъ наряжаться въ русскіе костюмы, женщины въ сарафаны, а мужчины въ поддѣвки, въ большомъ ходу также татары и татарки.

Солдатики представляютъ неизмѣнную лодку: сядутъ на полъ, а одинъ станѣтъ въ качествѣ рулеваго, и затягиваютъ пѣсни, помахивая палками вмѣсто весель.

Казачки, придѣлавши къ поясу чучело съ лошадиною головою, завѣшенное большою простынею, и привѣсивъ фальшивыя ноги, обутыя въ ботфорты — маневрируютъ на собственныхъ ногахъ, скрытыхъ подъ тою же простынею, всѣми адъорами по комнатамъ.

Самые аристократическіе дома открываются въ Сибири для наряженныхъ, между которыми часто появляются лакеи, горничныя и кухарки и интригуютъ своихъ господъ. Въ Березовѣ же чиновники, купцы, выставивши на окнахъ свѣчи, а на столахъ кушанья и питья, и усѣвшись вокругъ стѣны, любятъ въ безмолвіи наряженными, у которыхъ вмѣсто масокъ навѣшены платки или куски кисей, а турки, испанцы и прочіе иноземцы разрисовываютъ собственныя фізіономіи пробками и прицѣпляютъ бороды и усы.

На театрѣ, устроенномъ въ ротномъ изданіи казачьяго пѣшаго батальона (единственнаго воинства во всемъ березовскомъ округѣ), казачки ломали распространеннаго солдатиками по всеѣмъ концамъ Россіи—«непокорнаго сына Адольфа», который, когда ведутъ его, по повелѣнію короля Александра, въ темницу, поетъ: «я въ пустыню удаляюсь». Подобной чепухи и безтолковщины, какими наполнена эта траги-комедія, трудно себѣ вообразить; а между тѣмъ *Синадольфъ* (какъ произносятъ солдаты) повторяется всюду, на Кавказѣ, въ Омскѣ и въ Березовѣ, слово въ слово и одинаково безсмысленно.

Въ заключеніе спектакля разыграли разговоръ армейскаго офицера съ поданными ему на обѣдъ кушаньями (прапорщикомъ Борщовымъ, поручикомъ Поросятниковымъ и проч.) и съ деньщикомъ.

Березовскій театръ напомнилъ мнѣ подобный солдатскій спектакль въ другомъ концѣ Сибири, за 2,400 верстъ на югъ, въ укрѣпленіи Вѣрномъ, гдѣ виноградъ, дикіе абрикосы, яблоки растутъ на открытомъ воздухѣ, и гдѣ мнѣ удалось провести лѣтомъ нѣсколько дней.

Но здѣсь солдаты, сверхъ обыкновеннаго репертуара, разнообразятъ театры сочиненіями собственной фантазіи, которой помогаетъ богатая южная природа. Разосланная заранѣе афиша, въ которой значилась пьеса: «Соль русскаго чиновничества», привлекла на этотъ разъ многихъ посѣтителей изъ начальствующихъ лицъ, какъ называютъ тамъ вообще служащихъ. Хотя здѣсь некетати, но не могу не подѣлиться съ вами, читатель, сюжетомъ и выполненіемъ этой оригинальной фантазіи русскихъ солдатъ. По поднятіи занавѣса, у стола, гдѣ положена была краюха хлѣба и нѣсколько кусочковъ соли, сидѣли въ крестьянскомъ платьѣ мужикъ и баба (конечно солдаты), разговаривая между собою о плохомъ житѣи и собираясь просить правосудія у чиновника, котораго ожидали и который тутъ же не замедлилъ явиться, едва они сказали нѣсколько словъ. Какъ только показался чиновникъ, мужикъ и баба, унавши къ ногамъ его, жаловались на недостатокъ хлѣба и соли; но чиновникъ, не сказавъ ни слова, началъ задавать потасовку то мужику, то бабѣ и, поколотивши, ушелъ съ важностію. Крестьяне проговариваютъ вслѣдъ чиновнику — *вотъ тѣ соль*, обращаются съ тѣми же словами къ публикѣ и занавѣсъ опускается!...

Какъ хотите, а по моему мнѣнію, здѣсь много смысла и юмору!...

Во время рождественныхъ святокъ въ Березовѣ, среди незатѣйливыхъ развлеченій, было отрадное, настоящее празднество: открытіе женской школы.

Слышавши о ней мелькомъ въ Тобольскѣ и дорогою, я съ нетерпѣ-

нѣмъ ожидалъ этого праздника, чтобы узнать, въ какомъ видѣ основывается школа.

Въ одинъ изъ проведенныхъ мною въ Березовѣ вечеровъ, спутникъ мой, возвратясь съ экзаменовъ уѣзднаго училища, обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Вы, К. Г., не можете себѣ представить, какъ я сегодня утѣшенъ: все готово къ открытію женской школы и она имѣетъ достаточныя собственныя средства; но объ этомъ послѣ поговоримъ, а теперь я скажу вамъ, что самоѣды отвѣчали толковѣе и разумнѣе всѣхъ учениковъ и по всѣмъ предметамъ, особенно изъ ариеметики. Удивительныя у этихъ мальчиковъ способности, здравый смыслъ и быстрота соображенія; т. е. какъ будто они не вмѣстѣ съ другими учатся». — Куда же они поступятъ изъ училища? нужно же дать имъ дальнѣйшее образованіе, спросилъ я. — «У меня есть предположеніе, чтобы открыть нѣсколько стипендій для остяковъ и самоѣдовъ при Т...й гимназій и при казанскомъ университетѣ. Но для старшаго изъ сказанныхъ самоѣдовъ ничего не могу сдѣлать. Воспитатель его уже затѣялъ переписку о помѣщеніи его въ семинарію и лѣтомъ увезутъ. А между тѣмъ мальчикъ выказываетъ особенныя способности къ раціональнымъ наукамъ.

Вскорѣ послѣ этого я получилъ пригласительный билетъ къ открытію женской школы.

Въ залѣ уѣзднаго училища собрались всѣ чиновники, почетные граждане (купцы и мѣщане) и жены ихъ. Особенно отраднo было глядѣть на 24-хъ дѣвочекъ, стоявшихъ впереди (будущія ученицы). Дѣти съ любопытствомъ посматривали вокругъ и другъ на друга; предъ глазами ихъ совершалось необыкновенное явленіе: дѣти важныхъ чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ и казаковъ смѣшались вмѣстѣ; прежде первымъ не позволялось видѣться и говорить съ послѣдними, а теперь онѣ всѣ, безъ различія, будутъ рядомъ сидѣть и учиться вмѣстѣ. Изъ прочитаннаго отчета о суммахъ и о разрѣшеніи начальства на открытіе школы я узналъ, что къ основанію женской школы березовцы не были побуждаемы ни воззваніями начальства, ни понудительно-пригласительными подписками къ добровольнымъ пожертвованіямъ, ни гуманною заботливостію женъ высшихъ міра чиновническаго (какъ во многихъ городахъ хлопотали жены ихъ пр-ствъ изъ желанія прославить свою гуманность въ газетахъ); они взялись за дѣло вслѣдствіе собственнаго сознанія, порожденнаго духомъ времени.

Найдя необходимымъ обучать грамотѣ не только сыновей, но и дочерей, березовцы, потолковавъ между собою, собрали значительную сумму на первоначальное устройство и, обязавшись вносить ежегодную плату, обратились къ начальству съ требованіемъ объ офи-

ціальномъ признаніи женской школы, гдѣ до открытія ея уже обучали дѣтей. При такихъ зачаткахъ школа эта конечно не падеть, а принесетъ несомнѣнную пользу, и для дальнѣйшаго развитія ея, право, не нужно опеки и особенной заботливости начальства.

Къ осуществленію благаго начинанія много содѣйствовали тотъ же благородный, тихій П. И. Г. цъ, о которомъ я говорилъ выше. Получая всего 1000 р. сер. содержанія, онъ обязался ежегодно вносить по 100 р. с., не смотря на единовременное значительное пожертвованіе. Семейные люди въ открытіи школы видѣли личный интересъ, — а онъ, человѣкъ одинокій, не имѣющій другихъ средствъ, кромѣ содержанія по должности, и не подстрекаемый никакимъ личнымъ интересомъ, помогъ очень значительно березовцамъ, единственно въ видахъ общей пользы и по свойственной каждому порядочному человѣку гуманности.

Въ устройствѣ школы принимала дѣятельное участіе жена законоучителя, принесшая нѣкоторую лепту изъ своихъ достатковъ и принявшая на себя, по выбору общества, обязанность попечительницы. Учители уѣзднаго училища обязались безвозмездно обучать и преподавать въ школѣ.

Надо было видѣть, съ какою готовностью жены чиновниковъ и гражданъ, при открытіи школы, приносили жертвованія матеріями, коленкоромъ, холстомъ и прочими необходимыми для женскихъ работъ вещами. Положимъ, лента ихъ была недорога по цѣнности, но какъ поданная отъ чистаго сердца, отъ проявляющагося безъ сторовняго вмѣшательства желанія помочь по силамъ, она заключаетъ въ себѣ много залоговъ къ прочному будущему. По окончаніи обычныхъ обрядностей, почтеннымъ гостемъ сказано было нѣсколько словъ о необходимости образованія дѣвочекъ, какъ будущихъ матерей, и о поднятомъ вопросѣ о значеніи женщины въ гражданскомъ обществѣ! Этотъ спичъ, не говоря объ его новизнѣ для березовцевъ, имѣлъ свои послѣдствія и взволновалъ тихую жизнь березовцевъ. Въ тотъ же день нѣкоторыя изъ женъ, какъ я узналъ, на грубыхъ, деспотическихъ требованія мужей отвѣчали: ты чего кричишь? ты слыхалъ, что генераль говоритъ: я не хуже тебя, не раба, а ровная тебѣ; я мать нашихъ дѣтей, хозяйка дома, блюстительница домашнихъ интересовъ, и прочее.

Въ заключеніе о Березовѣ сообщу вамъ, читатель, нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о жителяхъ края, которыя вы можете пропустить, если онѣ васъ не интересуютъ, и которыми я хочу пополнить пробѣлы о древностяхъ, неоказавшихся въ наличности, какъ говоритъ чиновники.

Русскихъ крестьянъ въ березовскомъ краѣ, по послѣдней ревизіи,

считается 1853 души обоого пола. Въ этомъ числѣ есть болѣе ста человекъ поселенцовъ, которыхъ не слѣдовало бысылать въ смѣжные съ остяцкими юртами мѣста. Люди эти, — болышею частію ворипки, мошенники, изучившіе все лазейки къ избавленію себя отъ наказанія и къ навлеченію одного подозрѣнія по нѣсколькимъ преступленіямъ, — прйдя на мѣсто, стремятся не къ честному труду, а пробавляются кражами и мошенничествомъ. Досылки ихъ рѣшительно не было воровства между остяками, а теперь годъ отъ году случаи учащаются, и современемъ поселенцы непрѣнно знакомятъ инородцевъ съ легкимъ способомъ жить на счетъ другихъ, оставаясь въ праздности и тунеядствѣ. Часто приходили молодые, здоровые поселенцы съ жаждою на невѣдачу хлѣба и на запрещеніе отлучекъ въ другіе округа.

— Вѣдь вы одиноки, здоровы, какъ же вамъ не стыдно въ теченіе лѣта и осени не заработать себѣ хлѣба на зиму, чѣмъ же вы занимаетесь? спрашивалъ я многихъ изъ нихъ. — Да чѣмъ — ничѣмъ; хлѣбъ не родится, ремесломъ заняться не возможно, а къ здѣшнему труду мы не привычны. Лодки душегубки, снасти рыболовныя плохи, не умѣемъ съ ними обращаться, отвѣчали мнѣ.

— Такъ пріучайтесь, поступайте сначала въ работники, а со временемъ сами хозяевами сдѣлаетесь.

— Нѣтъ повторяли поселенцы: — намъ жизнь наша не надоѣла еще, лучше подъ плети идти, чѣмъ промышлять на здѣшнихъ снастяхъ, того и гляди, утонешь; мы не чета здѣшнему народу, — то сибиряки или орда, а мы *россейскіе*.

— Чего же можно ожидать отъ поселенцовъ при подобныхъ свойствахъ? конечно, одного развращенія инородцевъ, между которыми они уже шныряютъ и подговариваютъ къ кражамъ. Хорошо еще, что они не пробрались за Березовъ и въ Обдорскъ.

— Всѣхъ инородцевъ въ березовскомъ краѣ (остяковъ и самоѣдовъ) считается по 10-й ревизіи 11937 мужчинъ и до 9700 женщинъ; не смотря на разбросанность ихъ на огромномъ пространствѣ отъ Урала до Туруханскаго края въ ширину, и отъ слиянія Иртыша съ Обью до Дедовитаго океана въ длину, и на дешевыя казенныя цѣны, сравнительно съ вольными, на пушнаго звѣря, инородцы аккуратно вносятъ ясакъ и частныя повинности (*). Ясаками обложены не все вошедшіе

(*) Соболь перваго сорта принимается въ 4 р. 50 к., котораго дешевле 12 р. 50 к. невозможно купить, а высшаго сорта въ 7 р. сер., который продается за 20 р. с. и болѣе. Вообще березовскіе соболи ниже всѣхъ добываемыхъ въ другихъ мѣстахъ, какъ Западной, такъ и Восточной Сибири: они рыжеваты, не очень пушисты и называются масляниками.

въ перепись инородцы, а только взрослые; старики же и дѣти освобождаются; на мѣсто умершаго поступаетъ сынъ или внукъ. Но честность ихъ простирается до такой степени, что если подрастаетъ въ семействѣ работникъ и изъ ясачныхъ никто не убытъ, то бродячіе остяки и самоѣды сами, безъ требованія, взносятъ лишній противъ положенія ясакъ. Недоимокъ нѣтъ, а напротивъ составился запасный инородческій капиталъ до 40,000 руб. сер. гнндо : йврукэ аглэд фии пилл
При Екатеринѣ II остяки и инородцы обложены были извѣстнымъ количествомъ опредѣленнаго звѣря по волостямъ. Впослѣдствіи, по исчезновеніи нѣкоторыхъ породъ звѣрей, напримѣръ, бобровъ, такое распределеніе ясака сдѣлалось обременительнымъ для остяковъ. И въ 1825—27 г. составлены особою комиссіею новыя правила о взносѣ ясака, съ дозволеніемъ осѣдымъ инородцамъ уплачивать частныя повинности деньгами и мелкими звѣрями: бѣлкой, песцовыми лапами, неплюями (оленьими шкурками) .

Въ послѣднія 60 лѣтъ, такъ называемые дорогіе звѣри чрезвычайно уменьшились. Въ 1800 году было внесено въ ясакъ соболей 776, а съ 1850 по 1860 годъ всего 843; соболь преимущественно водится въ Котской волости, по р. Ендрѣ, Кандѣ, Кандушкѣ и прочимъ протокамъ; болѣе двухъ третей означеннаго количества постоянно доставлялось изъ Котскихъ городковъ, гдѣ даже въ 50-хъ годахъ ловили по 60-ти соболей, но въ 1861 г. всего представлено около 20-ти шкурокъ. Выводъ инородцевъ въ ясакъ
Бобровъ же, еще съ 1800 году, положено было въ ясакъ 81, а выдръ 64; въ послѣдніе же 10 лѣтъ не поймано ни одного бобра, и молодое поколѣніе инородцевъ даже не видѣло уже этого звѣря; выдръ представлено было всего 29. Черныхъ лисицъ, сдѣлавшихся величайшею рѣдкостью, ловятъ по одной и по двѣ, и то не каждый годъ; чернобурыя тоже переводятся; ежегодный взносъ, какъ этихъ лисицъ, такъ и крестоватиковъ, простирается отъ 20 до 30 (*).

Порода простыхъ лисицъ, т. е. сиводушекъ и бѣлодушекъ, не перемѣнилась. Съ 1850—60 г. простыхъ лисицъ возносилось въ ясакъ ежегодно отъ 300 до 400, изъ числа коихъ большая половина (почти двѣ трети) по Обдорскому отдѣленію, куда причислены бродячіе остяки и самоѣды (**).

(*) Крестоватикъ; средняя порода между чернобурую и сиводушкою; она темно-рыжая съ бурымъ по спинѣ крестомъ; крупнѣ, заднія ноги и хвостъ съ просвѣдью.

(**) Все сказанное мною здѣсь о звѣроловствѣ не относится къ Сургутскому отдѣленію, откуда ясакъ по сбору отсылается прямо въ тобольское казначейство, и въ березовскомъ земскомъ судѣ нѣтъ объ этомъ ясакѣ подробныхъ свѣдѣній.

Добыча известной породы звѣря не обуславливается ни мѣстностью, ни способомъ ловли; все зависитъ отъ случайности. Иноходецъ, ставя капканы и сѣти на лисицу, не можетъ рассчитывать именно на этого звѣря, чаще попадаетъ заяцъ, а въ обдорскихъ тундрахъ песецъ. Иногда случается на оборотъ: въ приготовленные для зайцевъ сѣти заманивается ускользящая отъ капкановъ лисица. При мнѣ былъ случай: одинъ бѣдный остякъ, Казымской волости, почти нищій, отплачивавшійся за взносъ за него ясака личными услугами, нашелъ въ заячьемъ капканѣ совершенно черную лисицу съ маленькою просѣдою на хвостѣ, которая мѣстною комиссіею оценена въ 80 руб. сереб. Примѣръ неслыханный! И дѣйствительно, подобной лисицы даже березовцы никогда не видывали—она черная, какъ смоль, и необыкновенно пушиста. Самоѣдскіе старшины, къ которымъ на показъ, какъ рѣдкость, привозили ее въ Обдорскъ, сказывали, что имъ никогда не случалось видывать такого звѣря.

Собственно же количество улова звѣря зависитъ отъ многоснѣжности и малоснѣжности зимы. Если зима многоснѣжна и ранняя, то уловъ плохой, потому что собаки проваливаются и не въ силахъ гонять соболей, а лисицы рѣдко выходятъ въ открытыя мѣста, къ которымъ же ихъ трудно добраться. Вообще въ подобную зиму звѣрь, оставляя прежнее свое обиталище, скрывается у самыхъ отдаленныхъ протоковъ и въ непроходимыхъ мѣстахъ. По замѣчаніямъ инородцевъ, многоснѣжная зима обѣщаетъ хорошій уловъ на будущій годъ; да это и очень естественно: молодые звѣри, спасенные отъ капкановъ и собакъ, конечно, принесутъ къ будущей осени приплодъ.

Остяки березовскаго отдѣленія занимаются звѣрловствомъ не ради удали, свойственной дикимъ племенамъ, не ради выгодъ, а ради одной необходимости въ уплатѣ ясака. Впрочемъ, у сосвинскихъ и казымскихъ остяковъ бываютъ остатки. Главная промышленность березовскихъ остяковъ рыболовство, которымъ они въ большихъ размѣрахъ также не занимаются.

Оставляемые безъ надзора старшинъ, бродя по урманамъ за звѣремъ и по протокамъ за рыбою, остяки, казалось бы, должны имѣть между собою непріязненные столкновенія и ссоры, однимъ словомъ, легко ожидать частыхъ преступленій при ихъ дикости, неразвитости. Между тѣмъ, остяки щадятъ жизнь другаго и не посягаютъ на чужую собственность. Инстинктивное ли сознание о безнравственности убійства и воровства, или боязнь подвергнуться наказанію останавливаютъ ихъ отъ этихъ важныхъ преступленій, не знаю навѣрно; но криминальныя преступленія здѣсь рѣдки.

По собраннѣ мною въ березовскомъ окружномъ судѣ свѣдѣніямъ, оказалось, что съ 1830 по 1862 годъ были признаны виновны-

ми въ уголовныхъ преступленіяхъ и осуждены всего 21 чело-
вѣкъ (*), изъ числа которыхъ 13 челоѣкъ судились за убійство и за
растлѣніе, 4 за угонъ вооруженною рукою оленей, 2 за кражу оленей
и 2 за кражу и корчемство.

Эта ничтожная за 30 лѣтъ цифра много говоритъ о нравственной
сторонѣ инородцевъ.

Не мѣшало бы устроить въ Березовѣ особое помѣщеніе для заклю-
ченныхъ, которые содержатся нынѣ въ зданіи полиціи, въ низень-
комъ сыромъ строеніи, куда входъ прямо съ улицы въ просторную
комнату, въ которой помѣщается военный карауль; на право неболь-
шая комната для подсудимыхъ остяковъ и инородцевъ, а на лѣво
конурка въ нѣсколько шаговъ для привилегированныхъ преступни-
ковъ. Содержаніе въ этомъ, душномъ, сыромъ, грязномъ зданіи го-
раздо тяжелѣе, какъ мнѣ кажется, каторжной работы.

Общія свойства остяковъ — безпечность, запуганность и крайняя
незаботливотть о себѣ. Появленіе эпидемій производитъ страшную
смертность отъ неряшества и отъ боязни оставаться вмѣстѣ съ боль-
ными, которыхъ бросаютъ въ особыхъ юртахъ безъ всякаго при-
смotra.

Отъ бывшаго въ 1855 года въ Обдорскомъ отдѣленіи кроваваго
тифа умерло въ теченіи 3 мѣсяцевъ 1270 изъ 1752 больныхъ, а въ
Кандинскихъ волостяхъ 53 изъ 64.

Послѣ этой эпидеміи присылаются ежегодно къ кандинскому архи-
мандриту общеупотребительныя, народныя лекарства, отъ которыхъ
инородцы не отказываются.

Замѣтивъ дорогою у остяковъ, особенно у женщинъ глазную бо-
лѣзнь, которую я относилъ къ постоянному дѣлкому дыму, распро-
страняющемуся отъ чуваловъ, я обратился за разъясненіями къ та-
мошнему медику. Замѣчу мимоходомъ, что на весь березовскій край,
это огромное пространство, и на городъ положено по штату только три
медика. Березовскій врачъ, челоѣкъ молодой, съ любовью и энергіей
занимающійся своимъ дѣломъ, объяснилъ мнѣ, что глазныя болѣзни
представляютъ третій періодъ сифилиса, вкоренившагося и распро-
странившагося между остяками въ высшей степени. У дѣтей сифи-
лисъ проявляется струпьями по тѣлу, преимущественно на головѣ, у
взрослыхъ ранами по лицу и по тѣлу (дѣйствительно остяки гнусятъ
и имѣютъ только признаки носа) и пораженіемъ глазныхъ оболочекъ,
у стариковъ ломотою въ костяхъ и тоже глазною болѣзнію. Хотя ме-
дику, какъ специалисту, болѣе извѣстно это обстоятельство, но я все
остаюсь при томъ убѣжденіи, что къ распространенію глазныхъ бо-

(*) Въ этой цифрѣ заключаются остяки и самоѣды и жены ихъ.

лѣзней много способствуетъ постоянный дымъ, наполняющій чумы осѣдлыхъ остяковъ. Предположеніе мое еще подтверждается тѣмъ, что женщины, оставаясь почти все время дома, страдаютъ и главною болѣзнію гораздо въ большой степени чѣмъ мужчины, которые, отлучаясь на цѣлыя недѣли и дни изъ дому, избавляются отъ дыму, выѣдающаго глаза. Полагаю, что эта собственно причина заставляетъ остяковъ сидѣть въ чумѣ въ набросанныхъ на голову покрывалахъ и опускать ихъ ниже носа при приближеніи къ затопленному чувалу.

Знакомый мой докторъ сообщилъ мнѣ, что инородцы не пренебрегаютъ наружными средствами и вѣрятъ имъ, охотно прикладывая примочки къ глазамъ и мази къ ранамъ, но въ лекарства, принимаемые во внутрь, не вѣрятъ.

Въ существующую въ Березовѣ для инородцевъ больницу остяки начинаютъ являться сами для леченія, а прежде нужно было ихъ отправлять почти силою. Самоѣды же неохотно идутъ къ русскимъ врачамъ, а въ больницу и не заманишь. Инородцы, находясь въ больницѣ, безропотно подчиняются всѣмъ правиламъ въ отношеніи діеты и леченія, сносятъ терпѣливо самыя сильныя страданія, но къ одному не могутъ привыкнуть: къ ежедневному умыванію лица и рукъ. — У меня въ больницѣ, говорилъ тотъ же медикъ, есть теперь инородецъ съ отмороженными ногами, пораженными гангреною. Онъ терпѣливо переноситъ перевязки, примочки, очищеніе матеріи, не сморщится даже при всѣхъ этихъ операціяхъ, но когда увидитъ приготовленный для умыванія тазъ, воду и полотенце на плечахъ служителя, начинаетъ охать, вздыхать, долго собирается какъ-бы съ силами, умывшись же поспѣшно, лежитъ нѣсколько минутъ, дыша тяжело, утомленно, будто бы послѣ какого нибудь важнаго подвига.

Мнѣ кажется, умываніе пугаетъ ихъ отъ ожиданія боли при вытираніи лица, которое закамдинскіе и бродячіе остяки, а равно самоѣды вытираютъ стружками изъ тальнику. Съ холщевыми полотенцами они не знакомы. Какъ бы ни закрубилась на лицѣ кожа, все же она страдаетъ при вытираніи древесными стружками, которыя могутъ произвести занозу, особенно если попадутъ въ большой глазъ.

Къ 1 января каждаго года прикочевываютъ самоѣдскія ватаги къ Обдорску (самому послѣднему въ Западной Сибири населенному сѣверному пункту), для взноса ясака и для закупки всего необходимаго по ихъ быту на цѣлый годъ.

Хотя мнѣ предстояло увидѣть много новаго и оригинальнаго, но я призадумался о поѣздкѣ въ Обдорскъ; 380 верстъ проѣхать на оленяхъ и притомъ станціи по 80 верстъ—дѣло не легкое, а особенно безъ определенной цѣли, изъ одной любознательности: пожалуй

замерзнешь, и уж навѣрное отморозишь носъ, руки и ноги, если хватить морозъ градусовъ въ 40.

Между тѣмъ начали показываться по улицамъ Березова остяки на тройкахъ и парахъ лихихъ оленей, въ маленькихъ нартахъ (*). Но оригинальность поѣздки меня соблазнила. Желая доставить себѣ какое-нибудь святочное развлеченіе, а главное, любопытствуя познакомиться съ этой ѣздой, мы отправились за городъ на двухъ большихъ нартахъ, изъ которыхъ въ одну была впряжена тройка, а въ другую четверка украшенныхъ вѣтвистыми рогами оленей. Первый дебютъ былъ неудаченъ: на одномъ пригоркѣ возница не успѣлъ соскочить, чтобы придержать нарту, и всѣ сидѣвшіе кубаремъ перекувырнулись нѣсколько разъ. Ну, подумалъ я, милое развлеченіе предстоитъ. Потомъ наши олени нѣсколько разъ свертывали въ сторону и, остановившись въ сугробахъ, преспокойно хватали снѣгъ; при этихъ маневрахъ остякъ вставалъ и тащилъ на дорогу лѣваго оленя, у котораго привязанъ ко лбу и рогамъ ремень, поцукая другихъ длиннымъ шестомъ. Неудачная первая попытка разочаровала меня въ ѣздѣ на оленяхъ. Какимъ же образомъ, спрашивалъ я, возможна ѣзда на продолжительномъ разстояніи, когда на трехъ верстахъ пристають олени, которыми за исключеніемъ лѣваго не управляютъ, и они бѣгутъ по произволу: вѣдь пожалуй поволокутъ чортъ знаетъ куда? — Увидите, какъ отлично прокатитесь до Обдорска; эти олени не привычны, да и тяжело: васъ сидитъ трое, а на нартахъ сидятъ по одному и рѣдко по два. Одно нехорошо: вы поѣдете въ крытой нартѣ и вамъ нужно будетъ лежать всю дорогу. — По возвращеніи съ прогулки, первымъ дѣломъ моимъ было осмотрѣть приготовленную для меня нарту, и я увидѣлъ длинный, узкій, обитый холстомъ, на полозьяхъ ящикъ, точь въ точь такой, въ какихъ въ Россіи возятъ звѣрей, а въ Малороссіи выписываемыхъ изъ Саксоніи барановъ. — Пошадите меня, какъ же сюда влѣзть и какъ тутъ сидѣть? вѣдь задохнешься! Подошедши ближе, я замѣтилъ маленькія окошечки по бокамъ въ головахъ, а съ лѣвой стороны доска до половины вдвигалась внутрь и задвигалась, если нужно закрыть. Влѣзши въ это отверстіе, вытянешься во

(*) Въ тоненькіе, совершенно параллельные между собою и перпендикулярные къ землѣ полозья (которые вверху нѣсколько шире) укрѣплены въ 8 вершковъ вышины копылья, къ которымъ придѣлана доска для сидѣнія и для склада припасовъ. Уложивши, что нужно, на эти доски, нарту закрываютъ оленьими шкурками и остякъ сидитъ бокомъ свѣса ноги, съ лѣвой стороны, правой рукой онъ правитъ лѣвымъ передовымъ оленемъ, а въ лѣвой рукѣ держитъ длинный (въ сажень и болѣе) шестъ, съ остриемъ внизу, тупымъ концомъ котораго погоняетъ оленей, а острымъ вонзаетъ въ снѣгъ, если нужно остановиться, привязывая къ шесту возжину.

всю длину, задвинуть дверцы, и вы должны лежать на одномъ боку всю станцію.—Нечего дѣлать, поѣду; по крайней мѣрѣ принаровлюсь, какъ удобнѣе будетъ со временемъ лежать въ гробу, который напоминала обитая внутри чернымъ сукномъ моя нарта.

Вечеромъ начались сборы. А. В. укладывалъ погребецъ и заботился о дорожномъ мѣшкѣ, въ которомъ нужно было уложить всѣ мои вещи, потому что кромѣ погребца на одну и мѣшка на другую нарту, нельзя было ничего больше брать; между тѣмъ я позаботился о предохранительныхъ средствахъ отъ холода: сталъ разводить спиртъ сарептскимъ бальзамомъ.

— Что же вы, К. Г., не укладываете вещей и не собираетесь?

— Помилуйте, я занимаюсь самымъ важнымъ дѣломъ!

— Какимъ—лежаньемъ?

— Извините; разбавляю спиртъ.

— Вотъ нашли занятіе, къ чему этотъ спиртъ? Кромѣ чаю, да рому къ нему ничего не нужно, гдѣ тамъ возиться въ дорогѣ съ закусками, да обѣдами?

— Нѣтъ, слуга покорный, А. В., съ вашею желудочною водкою далеко не уѣдешь при 30-градусномъ морозѣ. Замерзнешь, а обогрѣться негдѣ.

— Вы бы лучше позаботились о тепломъ платьѣ; въ чемъ вы поѣдете?

— А въ томъ, въ чемъ сюда ѣхалъ: въ мерлушчатомъ пальто, да въ ягѣ сверху.

— Развѣ малицы и парки не достали? Какъ же вы раньше не позаботились? Мало того, что опять простудитесь, да еще завтра меня задержите.

А. В. доставилъ мнѣ возможность увидѣть все то, что я рассказывалъ вамъ, читатель, и что сообщу еще объ Обдорскѣ: почтенный старикъ заботился рѣшительно обо всемъ, а на мнѣ лежала одна обязанность — приготовить ему чай. Кажется, трудъ не великъ, но я по свойственной мнѣ, какъ малороссу, благородной лѣни, постарался встать въ день отъѣзда тогда, когда уже А. В. напился чаю.

Впряженные въ нарты, олени звенѣли колокольчиками, которые остяки ухитрились прицѣпить къ рогамъ. Вещи были всѣ уложены.

Спутникъ нашъ, добрый П. И., былъ готовъ совѣмъ. Начали меня распекать и торопить. Наконецъ и я собрался! П. И. взгромоздился на открытую нарту, одѣвшись въ полный остяцкій костюмъ, а мы влѣзли каждый въ свою будку и поскакали за нимъ въ Обдорскъ.

К. ГУБАРЕВЪ.